

Роман Редисов

16+

Роман Редисов

Юность. Музыка. Футбол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51559423

SelfPub; 2020

Аннотация

Роман Редисов пишет в традиции романтического реализма. Новая книга автора повествует о юности, музыке, футболе и любви...

Содержание

Всякому своё	4
Всегда молодой футбол	37
Кубковая игра	45
Навеки молодой футбол	54
Между тёмных деревьев её отыщи	58
Русское регби в глубинке	71
Следующей ночью	78
Ковбойцы и индейцы	94

Всякому своё

Выходя из купе, Ботаник почувствовал, как в штанине его завибрировало, а затем взорвалось залихватским вступлением песни “The Ballad of little Johnny”. Ботаник достал телефон, звонили с работы. «Идите, я сейчас» – бросил он вслед корешам и остался в купе.

Покидая 14-й вагон, два его компаньона двинулись к середине состава поезда № 88 Владимир – Санкт-Петербург. Шумные плацкартные вагоны с мельтешащими снизу женщинами и детьми и торчащими сверху мужскими ногами, перемежаясь ароматами тамбурных туманов, сменялись вагонами купейными, предлагавшими в виде препятствий лишь отдельные тучные крупы, застывшие среди узких коридоров... Они шли вдвоем, принимая свою роль и зная свою цель. Тот, что шел первым, был пониже ростом, но превосходил второго в иных габаритах. Он без усталости отворял вагонные двери, чтобы через пару секунд их мог хлестко закрыть шедший следом товарищ. Их волевые нарочито бесстрастные лица органично вписывались в контуры безупречно выбритых черепов. Они шли как хозяева своих дней, их глаза светились отвагой и смыслом. Мало сделать осознанный выбор, но быть верным ему до конца – вот долг настоящего воина. Ни угроза, ни разум, ни блажь, ни инстинкт не смог-

ли бы смутить их решимость. Они шли тяжелым, но ровным шагом навстречу судьбе, жребию, доле. И теперь, когда выбор был сделан, любая иная возможность казалась нелепой и сказочной. Никто и ничто не могло сбить их с толка, и их курс был незыблем. Позади оставались все те, кто привык отступать с полпути, кто готов утешать себя малым. Впереди же их ждали подвиг, радость битвы и смерть. И кто-то уже наполнял для них чашу Грааля. Вагонные двери открывались и хлопали одна за другой, пока за очередной наконец не возник ресторан.

«Конечно, конечно, Иван Трофимыч, в понедельник все сделаю! До свидания», – с энтузиазмом заверил Ботаник и положил телефон на стол. Иван Трофимыч был его питерским шефом из головного офиса небезызвестной страховой компании, во владимирском филиале которой служил сисадмином Ботаник. Работу свою Ботаник ценил: в ней требовались мозги, да и платили нормально.

За окном среднерусские мартовские пейзажи заливало вечернее солнце. Поблуждав взглядом среди позолоченных голых крон, он скользнул по покрытому снегом полю, пробежался по фасадам деревянных домов, проскакал по конькам их крыш, и, скатившись с одной из них, увяз в придорожном кустарнике. Обрато запрыгнув в поезд, он мысленно проник в вагон-ресторан, где два его кореша, Быдло и Ойойой, вовсю уже звякали да брякали рюмками-бутылками. Мол-

нией вылетел оттуда, с облегчением выдохнув, и, шагнув через устланный остатками «разогрева» стол своего купе, усадил свой взгляд на место напротив. Место было не занято.

Тем временем за окном кусты, столбы и деревья заполнили весь обзор. Кусты, столбы и деревья, как закольцованный видеоряд, пошли бесконечно – столбы и деревья, и снова – кусты... Уж третью минуту кряду. Сверху было немного неба. Ботаник посмотрел на него с интересом, будто видел впервые, и словно не зная – что это такое. И, глядя туда, у кого-то спросил: «Почему я здесь? В чем же смысл моего путешествия?».

Он спросил: «Почему я опять вписался на гребанный выезд?».

«Нет, все-таки, блин, что прельстило меня? Непременный нажир&угар? Вероятные траблы с ментами? С вражеским фанатьем? Полнейшая разруха тела и духа на обратном пути?»

В последнее время ощущение того, что радость подобно-го блудняка оставляла его фанатскую душу, становилось все более явным. Однако поделиться такими подозрениями со своими корешами он пока не решался – ведь те имели гнусную привычку жестоко чморить всякого, кого сочтут уклонистом.

А душа вождедела иного...

«Интересно, – думал он, – а вдруг на свободное место в Москве сядет симпатичная телка...»

Но как мы начнем с ней общение?

Скажем, она раскроет и начнет читать книгу. Книгу Уэлша. Например, «Дерьмо». Или «Порно». Тут я спрошу: «Вам нравится «Дерьмо»? Хотя конструктивнее было бы «Порно»... Ну ладно, пусть так: «Вам нравится Уэлш?».

И понеслась...

Или, например, девушка в наушниках, что-то слушает. Наконец, вынимает их, и в этот момент мне звонят. А на телефоне тема SYDNEY CITY TRASH. Она хлоп по ушам – а наушников нет, смотрит на свой телефон – он молчит.. Наконец, понимает, что это – у меня! Улыбается в счастливом удивлении – ведь это ее любимая группа!

И все. Копец! Мы глядим друг на друга и понимаем: вот мы и встретились наконец...»

Мобильник Ботаника и впрямь вдруг завибрировал. Звонил Ойойой:

– Ты как там, жив? Хорош драть.

– Да иду я, в пути, – промычал фантазер, выходя в коридор.

– Желая, чтобы всех! – объявил торжественно Быдлю, и рюмки со звоном встретились.

Столичный Курский вокзал не только предоставил перрон для освежающего перекура, но и ожидаемо внес свежую струю в непредсказуемое течение вечера для пассажиров поезда 88. Уже через несколько минут после отправления ва-

гон-ресторан был забит одними фанатами. Московские фаны братались с владимирскими, находили общих знакомых, обсуждали совместные выезды, делились веселыми курьезами, хвастали жесткими траблами, обменивались новостями.

– Быдло, – обращался к тому москвич Квакер, – Приезжай через неделю с псом. На игру ходим и Бастарду прослушивание устроим.

– Бастарду – прослушивание? Это – в смысле? – не понял Ойойой.

– У друганов моих группа. – Пояснил Квакер. – СС. То есть – СОБАЧЬЯ СУДОРОГА. Парни рубят грайндкор, а на вокале – питбули – Ле Со и Бэтти. Так вот, Ле Со последнее время как-то зачах, загрустил. Зазвездился он что ли? Стал капризный, пропал драйв, скулит да воеет, в основном. В лирику, в общем, ударился. На Бэтти плохо влияет. А парни-то стиль менять не хотят, ищут теперь замену. Вот я и вспомнил – у Быдло же нашего Бастард есть. Хоть не питбуль, а этот...

– Чихуахуа, – напомнил Быдло.

– Вот и я говорю, – согласился Квакер, – не всё ли равно? Привози, пацаны посмотрят. Слух есть – будет петь.

– Хе-хе, а чего? Так-то он голосист, – подтвердил Ойойой.

– Слушайте, а у меня в конторе есть перец, тоже айтишник, – включился Ботаник, – так у него дома попугай есть поющий. И чел его записывает, а потом на хэви-метал всяческий накладывает вместо хрипящих визгунов...

Поезд 88 нёс фанатов столичного клуба на первый выезд сезона в Питер, а фанатов несло по алкогольным волнам воспоминаний. Кто-то вспомнил шедвел на дерби в Москве.

– Мы встали по верху. Колбасит, конечно, звездац. Мрази что-то запели убогое. И тут Пинцет как зарядит, а Мелкий – с ноги чудаку перед ним...

– Слышь, Быдло, ты шедвел мутил? – тихо спросил кореша Ойойой.

– Неа.

– Ну, ты убогий.

– А ты, значит, типа мутил? – отозвался с обидой кореш.

– А-а, – мотнул головой Ойойой, – и я – нет.

Затем, зашла речь о прорыве на поле в Ярославле с целью сорвать продуваемый кубковый матч. Ойойой пихнул товарища в бок и снова спросил:

– Ты тогда прорывался?

– Нет, – с раздражением выплюнул Быдло, нахмурился и отодвинулся.

– Я тоже, – попытался утешить его Ойойой.

Кокой-то бывалый фанат вспомнил, как еще в девяностых, перегнувшись через перила деревянной трибуны в Набережных Челнах, его вырвало на фуражку стража порядка.

– Друг, чтобы все прояснить: ты хоть раз блевал на мента? – это снова был Ойойой.

Быдло молча повернулся к товарищу, и пристально на него посмотрел. Сначала в глаза, потом в подбородок, и сно-

ва в глаза. Гипноз возымел свой эффект, Ойойой как-то сразу смутился и поспешил объяснить:

– Чел, я просто пытаюсь понять – мы с тобой вообще жили?

У стола появился Ботаник.

– Боевик, ты куда пропадал, – хлопнул Быдлю его по плечу.

– У нас в купе пополнение.

– Симпатичное?

– Не совсем, – уклончиво начал Ботаник. – Прихожу я в купе, смотрю – лежит на столе буклет. Читаю: «Российский Футбольный Союз. Международная конференция. Толерантность – дорога футбола. Тезисы докладов». Приколливо, думаю. Чел с футбольной конференции с нами едет, будет – о чем потрендеть. Может, известный кто... И тут появляется он... Негр! Чёрный, как.. гиннес. Улыбается так: «Здравствуйте», говорит. Я ему: «На здоровье!». В общем, зовут его Жоан Антуан, приехал он из Анголы. Из ангольской футбольной федерации – какой-то по связям там. Приехал, говорит, на конференцию и буклетом мне тычет. Ага, говорю, понятно, а в Питер – чего, на футбол? Нет, говорит, как турист. Учился он в Питере в универе – не то назад десять лет, не то всего десять лет – недопонял.

– Вот вам подвезло, пацаны! – оживился Квакер. – Аж завидно. Вы доклады-то тезисов прочитайте. Завтра в Питере на секторе пацанам про толерантность расскажите, а то мно-

гие же и не в курсе – че за фигня...

Отскрипели-отскрежетали вовлеченные в торможение механизмы, и поезд, качнувшись туда-сюда, замер. Представший за окном ресторана Тверской вокзал вывел Быдло из легкой задумчивости:

– А ведь белая раса страдала от нашествий из Африки тысячелетья! – вдруг заявил он. – Мавры покорили Испанию, Португалию и часть Франции...

– И народ, разрешивший пришельцам сегодня топтать его землю, завтра может и вовсе исчезнуть! – подхватил Ойойой.

– Этот демон опасен для общества. – Икнул и продолжил Быдло. – Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны, джентльмены, использовать случай, чтобы схватить эту тварь и отправить туда, где он никому уж не сделает зла. Иначе за нашу оплошность заплатят невинные люди – обычные, вот, пассажиры, – обвел рукой Быдло сидящих вокруг фанатов, – на которых тот может напасть, по сути, в любую минуту!

– Имеющий ум, да поймет очевидное, – подняв указательный перст, резюмировал Ойойой, и оба джентльмена попытались сфокусировать свои взгляды на молчавшем досель Ботанике.

– Я с вами, – произнес после паузы тот.

– Тогда найди же вагонный ключ, – напутствовал Быдло, – И возьмите рюмки. Надо торопиться, не то выпивка нас уто-

мит, и мы забудем о нашей борьбе!

Жоан Антуан Карамбу, вооружившись очками, листал любезно подготовленный организаторами сборник тезисов докладов прошедшего симпозиума. Все статьи под тем или иным углом касались заявленной устроителями конференции темы – проблемы толерантности в футболе, и об этом красноречиво гласили их заголовки: «Коричневая чума на зеленых полях», «Стадион – арена добра», «Гомофобия в офсайде»... Наконец, Жоан Антуан остановил свой выбор на показавшемся ему любопытном исследовании британского социолога Мудрана Захери «Толерантность для всех». В статье говорилось следующее:

«Толерантность, будь то в футболе или в иных сферах человеческой деятельности – это, прежде всего, терпимость и благожелательность к внешнему облику других людей, к образу их мышления, к особенностям их поведения, к их традициям и привычкам.

Целью данного исследования было выяснить: какие группы населения нашей планеты (в данном случае – среди футбольных болельщиков) в настоящее время являются с точки зрения терпимости относительно благополучными, а какие в большей степени нуждаются в разъяснении норм толерантного поведения.

На основе принципов заложенных в понятие «толерантность» нами была разработана гибкая шкала для оценки сте-

пени толерантности личности в процентах: от нуля, соответствующего абсолютной нетерпимости (интолерантности), до 100 % – степени полной толерантности. Для получения численного эквивалента толерантности использовалась специальная анкета, состоящая из ста вопросов-ситуаций, каждая из которых предлагала респонденту два варианта решения – толерантный и интолерантный.

Примеры вопросов-ситуаций.

Вопрос 1. Вы собираетесь большой компанией. Первым пунктом программы встречи является дружеская игра в футбол. Что вы предпочтете?

а) чтобы играли только те, кто хорошо играет;

б) чтобы играли все желающие, включая тех, кто толком не знает правил.

Вопрос 2. Вы пьете в баре любимый светлый эль. Заказывая новую кружку, вы слышите, что в бочке это пиво закончилось, а для подключения нового кега требуется подождать 20 минут. Бармен предлагает вам пока заказать темное пиво. Ваши действия?

а) соглашаетесь и, чтобы не терять темп, а также для разнообразия, заказываете темное пиво;

б) категорически отказываетесь как нелюбитель мешать светлое с темным, предпочитаете взять паузу в питье на 20 минут или переходите к крепким напиткам.

Сумма «толерантных» ответов для каждого опрашиваемого в результате составляла его личный индекс (показатель)

толерантности, выраженной в процентах.

Данный опрос проводился в течение трех лет среди 669 футбольных болельщиков из 39 стран, расположенных на 5 континентах. Обработка и анализ результатов анкетирования позволили сделать следующие обобщения относительно склонности к толерантности различных типов людей.

Среди представителей разных рас наиболее склонными к проявлению толерантности оказались монголоиды, их средний ИТ (индекс терпимости) составил 38%. На втором месте – негроиды (средний ИТ – 34%), на третьем – европеоиды (29%). Наименее толерантными оказались представители австралоидной расы, их ИТ в среднем оказался равен 7%.

Темноглазые болельщики со средним индексом терпимости равным 36% оказались более толерантными по сравнению с зеленоглазыми (ИТ – 26%) и голубоглазыми (ИТ – 24%).

Брюнетки так же оказались более расположены к терпимости относительно рыжих и блондинов (их средние индексы равны соответственно – 35, 32 и 27%).

По типу волос: шерстистоволосые более толерантны относительно гладковолосых (средний ИТ: 34% против 30%).

Обладатели удлиненной формы черепа (долихоцефалы) по результатам опроса оказались менее толерантными (ИТ – 27%), нежели обладатели черепа средней длины – мезоцефалы (ИТ – 31%) или носители коротких черепов – брахицефалы (ИТ – 36%)...»

Жоан Антуан не успел дочитать занимательную статью, так как дверь купе отворилась, и на пороге возникли два бритоголовых молодца, один из которых выставил ладонь в римском приветствии.

– Мир тебе, собрат по виду! – начал Быдло издалека...

Не прошло и десяти минут, как поезд лихо набрал обороты, продолжив свой путь, а Ботаник, стоя в тамбуре с одолженной связкой вагонных ключей, наблюдал как Быдло и Ойойой уже волокли в его направлении связанного простынями и рычащего сквозь кляп-полотенце африканского гостя.

Через несколько секунд вагонная дверь была отперта, туловище мавроподобного оккупанта переведено в горизонтальное положение, ритуально раскочено и...

..твоя брэнная оболочка раздувается ветром, воздух наполняет тебя.. Ещё мгновение – и ты вознесёшься на теплых воздушных потоках.. Всё твоё тело наполняется покоем и свежестью, ты превращаешься в ветер, ты пролетаешь над землёй.. Ты свободен, ты летишь..

...отправлено в кромешную завагонную тьму, чёрную как бездонная пасть Сатаны.

Ботаник стоял посреди незнакомой комнаты, аскетическое убранство которой вызывало ассоциации с дешевой гостиницей или съемной шлюшьей квартирой. В комнате, кро-

ме него, была женщина. Она сидела на полутораспальной кровати в лифчике и панталонах золотисто-зеленых цветов и чего-то ожидала с игриво-ироничным выражением глаз. На лице ее светлела легкая улыбка, одна бровь была вопросительно приподнята. Лицо ее было черно. Впрочем, как и все остальное, так как она была негритянкой. «Ты кто?» – решил на всякий случай уточнить Ботаник. «Я – Крис. А ты, как сказали твои друзья, – Ботаник?». «Вообще-то я Коля...». «Да это не суть, – хихикнула Крис, – ну?.. штаны снимать будешь?». Ботаник внимательно осмотрел Крис. Это была неюная (лет, вероятно, под сорок), наделенная пышными формами женщина с крупными чертами лица. Взгляд ее черно-желто-красных глаз теперь выражал озорство детсадовской подруги и материнское участие одновременно. «Наверное, надо, – вспомнив о друзьях, подумал Ботаник. – Законы социума, против них не попрешь». Он решительно кивнул и принялся расстегивать ремень, пытаясь в то же время оценить реальность происходящего.

Крис, не вставая с кровати, завела руку за спину, расстегнула бразильской расцветки лифчик, а затем, энергично подвигав плечами, будто исполнив короткий ритуальный танец своего народа, позволила соскочить тому на пол, обнажив арбузообразные груди с огромными темными пупырчатыми сосками. Тем временем Ботанику удалось разделаться с джинсами, однако трусы по-прежнему были на нем. Взглянув на него, Крис улыбнулась, привстала и стянула свои пан-

талоны, нагнувшись так, что груди ее, едва не достигнув пола, на этот раз напомнили два гигантских баклажана. Освободившаяся при этом генитальная растительность, растущая как на лобке, так и на ногах, поразила Ботаника своим пышным обилием. Однако отступить было некуда, Ботаник избавился от семейников и сделал шаг к ложу. Крис легла на спину и разверзла ноги, обнаружив мясистое лоно с множеством складок, уходящих подобно бесконечной спирали в затягивающий тоннель предначертанного пути. Подойдя вплотную, Ботаник взгляделся в черную вагинальную бездну и зачарованно замер. Ему показалось, что гигантская вульва, дважды чавкнув (как бы прокашлявшись), сипло с надрывными интонациями прохрипела: «Что же ты сделал, Коля? Кто же теперь ты по сути-то, а?..». «Да что за муть?» – успел подумать он, как кто-то схватил его за член. «А-а, попался!» – хищно прорычала Крис (конечно же, это была она, ведь здесь кроме них никого и не было). Она сочла это настолько смешным, что тут же разразилась оглушительным смехом.

Ботаник вскрикнул, тотчас кончил и моментально проснулся. Он свесил голову вниз – на нижних полках дрыхли его кореша. Верхняя полка напротив была вопиюще свободной. Усталый состав из последних сил подползал к перрону Московского вокзала города на Неве.

Уж больше года минуло, когда морозным субботним мартовским утром две жительницы деревни Красные Удцы (Тверской губернии) – Авдотья Кулакова и Ефросинья Босова, собирая хворост в кустах, растущих вдоль Октябрьской железной дороги, наткнулись на нечто совершенно удивительное и досель небывалое в этих весьма богатых живностью краях. Сперва их внимание привлек звук, похожий в равной мере как на человеческий стон, так и на звериный рев. Услышав его, женщины замерли и переглянулись. Вой доносился спереди метрах в тридцати, а кто, да что – за ветвями не видно. Вдруг под кустом, хранившем тайну неясного существа, возникло какое-то шевеление, треснули одна или несколько веток, а в просвете у самой земли показалась на миг голова, но тут же пропала. От неожиданности женщины отскочили назад, при этом Ефросинья споткнулась о санки с хворостом и села в сугроб. И тотчас воскликнула:

– Ох! Что же это?!

– Человек? – спросила у подруги не успевшая понять, что к чему, Авдотья.

– Уж больно он странный.. Не поняла я, – прошептала в ответ Ефросинья.

Но где-то через минуту голова показалась опять.

– Ишь ты! А ведь и правда – кажись, человек, – воскликнула Авдотья.

– Да человек ли? – с сомнением отозвалась Ефросинья, –

Что ж он чёрный такой? как чёрт! – усомнилась она и принялась истово креститься.

Подруги опять глянули друг на друга и на полминуты умолкли.

– Так, значит, человек, – наконец задумчиво произнесла Авдотья. Но Ефросинья ничего не ответила. Вместо этого она встала, пригнувшись, пробежала несколько метров до железнодорожной насыпи, отобрала там несколько кусков щебня, и так же осторожно и ловко вернулась обратно.

– Значит, человек? – прошептала Ефросинья и поделилась камнями с подругой.

Женщины продвинулись на несколько метров вперед, синхронно размахнулись и выпустили по снаряду. Оба камня попали в цель. Вновь раздался стон, и черная голова, на этот раз с проступившими на лбу свежими каплями крови, показалась опять. Совсем осмелевшие женщины подбежали к подранку...

Жоан Антуан Карамбу, осознавший себя после ночного происшествия в прижелезнодорожном кустарнике и окончательно очнувшийся в результате попадания щебнем в лоб, теперь сидел поверх хвороста в санках, которые сообща тянули Авдотья и Ефросинья, и громко клацал зубами от холода.

Женщины везли заморское чудо в дом к Авдотье, взявшей ее выходить подкидыша до полного выздоровления. И

покуда не окрепнет, пускай погостит, благо – жила Авдотья одна, так как к печали своей полгода назад овдовела.

Прошлой осенью муж её егеря Федот пошел в одиночку на кабана, да так домой и не вернулся. Спустя три недели, как он ушел, наткнулась в лесу Авдотья на человеческие останки. Мягкие телесные ткани почти целиком были съедены, а большая часть костей обглодана. Впрочем, фрагменты одежды – обрывки тельняшки, армейских штанов и кирзовых сапог – намекали на имя владельца. Дополняли картину лежащие поодаль карабин «Вепрь», термос с остатками самогона и старый рюкзак, на котором виднелась полуразмытая надпись, сделанная много лет назад шариковой ручкой: «Федот Кулаков. Стройотряд»...

Вскоре показали избы Красных Удцов. В ближайшей из них и жила Авдотья.

– Смотри, осторожнее с ним. Кто знает, что в черной его голове, – напутствовала перед расставанием подругу Ефросинья, – Ну давай. Зайду еще вечером, – махнула она и поспешила домой, предвкушая как сразит историей о лесном происшествии мужа, завязанного скептика Игната.

Дней шесть спустя Жоан Антуан пришел в себя телом, да и психически пообвыкся. Без денег и документов вернуться на родину, или хотя добраться в Москву – было сложно. К тому же последнее железнодорожное путешествие оставило в его душе неизгладимый след. И теперь стук колес проходя-

щего поезда отзывался в африканской груди идентичным по темпу сердцебиением. Чтобы снова ступить на Дорогу Смерти (а иначе железнодорожный маршрут Москва – Санкт-Петербург он для себя и не называл) требовалось нечто большее, чем обретение физических сил. Да и добрая Авдотья привязалась к несчастному, найдя, наконец, применение накопившейся женской заботе. Вот так и зажили они вдвоем, Жоан и Авдотья, в русской деревне, в сердце тверских чащоб.

Тем временем настоящая весна пришла в Красные Удцы. Лес наполнился разнообразными звуками, словно звери и птицы всех мастей наперебой зазывали к открытию охотничьих забав. Жаль только вот – карабин, найденный с костями Федота, забрал с собой участковый. Сперва забирать не хотел, но, не добившись от молодой вдовы тепла и ласки, все же забрал – Авдотья прав на карабин не имела. Однако находчивый Карамбу изготовил из орехового дерева весьма недурной лук, снабдив его тетивой из рыболовной лески. Смастерить стрелы, используя дерево, гвозди, гусиные перья и проволоку, было и того проще. Так и стал добывать – то зайца к утру принесет, а то птицу какую. А однажды духи красноудских дубрав даровали ангольскому охотнику молодого кабанчика. В результате удачного выстрела стрела через глаз вошла прямехонько в мозг, обеспечив лесному поросенку мгновенную и, к счастью, безболезненную смерть.

Охотиться Жоан Антуан предпочитал по ночам, темнота – маскировке подспорье.

Как-то теплым (по местным меркам) июньским вечером, когда сумерки на всех основаниях могли считаться поздними и грозили вот-вот обратиться ночью, Карамбу с луком наперевес, привычно провожаемый серией крестных знамений, отсылаемых ему в спину стоящей на крыльце Авдотьей, ступил в абсолютно ночную чащу (в лесу-то ведь ночь наступает чуть раньше). Вдруг, недалеко от опушки, чуть ли не из-под ног выскочил совершенно белый зверь и, прошмыгнув справа налево, скрылся в высоких папоротниках. Все произошло столь стремительно, что об изготовке к выстрелу не могло быть и речи. Карамбу успел лишь признать животное. «Заяц. *Белый* заяц!» – в ужасе прошептал он. Карамбу отлично помнил народную ангольскую примету: если твой путь перебежит белый заяц – вперед дороги нет. Но пойти по пути суеверия – значит вернуться домой ни с чем. С другой стороны – заяц действительно был абсолютно белым – от ушей до хвоста, и эту нескромную вопиющую белизну не в силах была скрыть даже ночь! Наконец, поразмыслив над этим немного, Жоан Антуан предположил, что, возможно, старая ангольская примета здесь, в России, бессильна. Ведь духи, дающие знаки, здесь тоже другие, хоть и не менее опасные. А может быть, здесь белый заяц и вовсе – к удаче? Так, ободрив себя этой смелой гипотезой, Карамбу продолжил путь.

Более часа на пути его не встречалось ничего интересно-го, иногда лишь сверху ухали совы (или же духи в образе сов, ведь совы – часто не то, чем они кажутся), да словно ночные херувимы-хранители шелестели крылами забавные симпатяги – летучие мыши. Внезапно из облаков появилась Луна, и среди затейливых кружев лесных теней Жоан Антуан Карамбу увидел его. Стоя в тринадцати прыжках посреди небольшой полянки, теперь освещенной лунным светом, зверь с интересом обнюхивал кору одиноко стоящего пня. Да, это был шакал! Сомневаться не приходилось. Самый настоящий шакал, символ животной хитрости и сообразительности. В Анголе охотник, сумевший поймать или убить шакала, тут же получал всеобщее признание – похвастать добычей столь изворотливого и осторожного зверя могли немногие... Слава Духу Ветра – направление воздушных потоков в тот час не могло выдать зверю присутствие подкравшегося Карамбу... Первая стрела попала в шею, шакал тьякнул и захрипел. Следом выпущенная вторая вонзилась в заднюю ногу, после чего шакал, стремясь ухватить стрелу зубами, завертелся на месте. Третья стрела пригвоздила ухо шакала к пню. Карамбу тут же совершил нужное количество прыжков, подскочив к скулящему и бестолково сучащему лапами зверю, левой рукой ухватил за холку, а правой враз перерезал глотку.

Русский шакал, хотя и несколько отличался от африканского внешне, без сомнения являлся не менее ценной до-

бычей. Искусно выпотрошив тушку, Карамбу положил трофей в мешок и продолжил ночной моцион под одобрительное уханье духов.

Утреннее пение петухов отозвалось в груди Ефросиньи Босовой смутной тревогой. Удостоверившись, что в огороде никого нет, Ефросинья пробежала вверх по улице метров сто, затем, вниз метров двести, и, наконец, опрометью помчалась к самой дальней, стоящей чуть на отшибе, избе – оповестить подругу о ночной пропаже. А может, и, чем черт не шутит – Маугли ейный что-нибудь видел? На бегу Ефросинья не переставала голосить: «Кони! Ко-ни! Кооо-ниии!». Но зывала она не к взрослым самцам лошадей. Так звали любимца семьи (а особенно дочки Настеньки) – верного пса-дворнягу, кличку высмотрел по телику муж Игнат. Днем Кони сидел на цепи, а ночью свободно гулял в огороде. Самоволки случались и раньше, но к завтраку Кони с довольным и слегка виноватым видом всегда возвращался...

Солнце еще не успело подняться высоко, но все говорило за то, что день будет жарким. Достигнув калитки, Ефросинья выкрикнула имя подруги и вошла во двор. Во дворе Авдотьи не было. Там ее встретил Карамбу, он приветливо улыбнулся, кивнул и почти без акцента сказал: «Здравствуйте!». Жоан Антуан стоял у разделочного пня, в левой руке он держал ногу животного, в правой руке был топор. Из-под ног его остекленевшими глазами взирала на Ефросинью недавно

отделенная от туловища голова Кони.

На вопль Ефросиньи, по своей нечеловеческой пронзительности сопоставимый с возможным проявлением страданий голосистой свиньи, насилуемой несравнимо более крупным хищником, из дома вышла Авдотья, не любившая смотреть за разделкой добычи. Прошло несколько секунд, прежде чем останки животного, безумный крик Ефросиньи и недоуменно-растерянный вид Жоана сложились для Авдотьи в единую картину нелепой ночной трагедии. Тогда все трое пришли в движение. Ефросинья то взывая к небесным защитникам, то повторяя имя убиенного питомца, понеслась восвояси. Запричитавшая Авдотья запрыгала вокруг Карамбу, который, в свою очередь, не выпуская из рук топор и ногу Кони, пожимал плечами, лепетал на своем нерусском и беспокойно вращался согласно перемещениям хозяйки...

Когда во двор Авдотьи ворвался с ружьем муж Ефросиньи Игнат, Карамбу уже там не было. Посреди двора подобно бледной затушенной свечке недвижимо стояла хозяйка и в отрешенном безмолвии прислушивалась к странным процессам внутри своего тела – уже знакомая опустошающая сила плавила в ее сердце едва обретенную вновь надежду, создавая в груди физически ощутимую тяжесть. В тот миг Жоан Антуан, по-прежнему сжимавший топор и оттяпанную собачью конечность, с верным луком и колчаном стрел за спиной все глубже внедрялся в лес.

Соорудив шалаш и продолжив упражняться в охоте, Карамбу зажил в лесу относительно сносно. Тем более, по ночам он иногда совершал вылазки к Авдотье – пополнял запасы спичек, продуктов, да согревал душу. Однако как-то утром, в аккурат после их randevu, к Авдотье явился Игнат и честно предупредил: «Увижу негра – убью. Не обессудь. Всем будет лучше. А раз всем – значит, и тебе тоже. Участковый добро дал». Авдотья знала: большинство мужиков в деревне сразу невзлюбили Жоана, но до поры помалкивали, понимали – вдове одной тяжело. Не лез не в свои дела и участковый – боялся насмешек сельчан и подозрений в ревности. Теперь же каждый стремился внести свою лепту в помилку Карамбу – глаза и уши были повсюду. Домашние встречи пришлось прекратить. Теперь Авдотья с небольшим узелком раз в несколько дней отправлялась в лес на прогулку...

Однажды, она, направляясь к Жоану, услышала за спиной странный хруст. Кабан? Авдотья замерла, шум прекратился. Осторожно двинулась дальше, но вскоре опять ощутила чье-то присутствие. Женщина снова остановилась и огляделась. Жоан? Опять тишина. Если он – то зачем ему прятаться? Постояв и прислушавшись с полминуты, Авдотья дала небольшой крюк и пошла обратно в деревню.

В ту же ночь Карамбу, не дождавшись Авдотьи в условленном месте, отважился сам отправиться к ней. На подступах к дому он сперва перешел на какой-то согбенный

полуприсед, а вскоре совсем опустился на четыре конечности, стараясь ступать неслышно как пума. Внезапно промеж монотонного пенья сверчков слух лесного охотника выхватил звук, явно рожденный металлом – неподалеку отчетливо клацнуло – ку-клукс. Жоан Антуан лег на землю, и в тот же миг прогремел выстрел. А следом еще. Засада! Он отполз немного назад, вскочил и, затравленно пригибаясь, понесся обратно – под защиту лесного покрова, туда, где лишь духи вправе решать его участь. Позади заголосили собаки, слышались резкие голоса, раздались новые выстрелы. Смертоносная вражья стрельба погнала его, как зверя. Слева, справа, сзади и спереди на щепки крошились деревья, ломались и падали ветки. Лавируя между пуль, он достиг развесистой ели и юркнул под массивные ветки. Сидя, прислонился спиной к толстому стволу и прислушался. Пара свинцовых пчел нырнула меж веток за ним, но, слегка разминувшись с целью, понеслась наудачу дальше. Тогда он снова вскочил и помчался уже без оглядки, растворяясь в чернильном мраке ночного дремучего леса.

Так оборвались всякие связи с людьми, Авдотьей, цивилизацией. Лес стал единственным другом и домом – маленькие его обитатели не давали Карамбу пропасть с голодухи. К охоте прибавилось собирательство – различные ягоды и корни вошли в повседневный его рацион. К грибам же Жоан подходил избирательно, собирал, в основном, для души,

предпочтя всем другим мухоморы.

К концу сентября погожих дней стало меньше, а холодных ночей – прибавилось, ягоды отошли, птицы стаями потянулись на юг, жизнь в лесу затухала. Демоны Голод и Холод ширили свою власть, превратившись в новых мучителей наравне с душевной тоской.

Однажды октябрьским утром, выйдя из шалаша, Карамбу услышал шум. Шум издавали люди. Вскоре он стал разбирать – люди о чем-то кричали и очень громко смеялись, можно сказать, и ржали (безудержно так гоготали). Смеялись, похоже, двое: один – голосом высоким и повизгивающим, чем-то напоминающим тявканье и скулеж небольшой собачонки, другой – басовито-протяжными сериями, смачно перемежаемыми не то храпом, не то хрюканьем. Заткнув за пояс топор (нож в ножнах уже привычно болтался там же), Карамбу пошел на звук, стараясь ступать бесшумно. И вскоре он их увидел. Это была молодая пара. Выглядели они необычно. Стандартные джинсы и свитера у них сочетались с какими-то не то покрывалами, не то занавесками, наброшенными на плечи и скрепленными на груди большущими брошами. Ноги их были обуты в остроносые замшевые сапожки. А сверху все это убранство дополняла разнообразная бижутерия, обильно блестящая на их головах, руках, запястьях и голенищах. Сидя перед костром и тыча друг в друга пальцами, они придавались веселью. Слева от парня, пе-

риодически выдававшего заливистые высокие трели, долго-вязого худого бледнолицего юноши с длинными волосами, прижатыми к голове металлическим обручем, торчал из земли большой деревянный меч. А справа от девушки, время от времени потрясавшей окрестные деревья утробным хохотом, кряжистой особы в массивных очках, чьи волосы опоясывала расшитая цветным бисером лента, виднелся изгиб гитары желтой. Карамбу напряг свой слух, силясь понять, о чем говорят эти люди. Затем вспомнил, что русским он так и не овладел (а то, что знал – успел позабыть), и оставил попытки, отметив для себя только то, что пришельцы были возбуждены, к алкоголю не прибегая. Голодный взгляд лег на их рюкзаки, валявшиеся поодаль. «Ничего, с них не убудет, до дома с голода не помрут» – решил Жоан Антуан, и залег метрах в шестидесяти от костра в пышных кустах, откуда понес наблюдение в надежде поймать подходящий момент для проверки их (рюкзаков) содержимого.

Первое время ничего не менялось: он и она смеялись, сидя на том же месте, рюкзаки все так же лежали в поле их обозрения. Чуть позже их радость заметно умерилась, уступив лирическим настроениям. Девушка подняла гитару, взяла пару аккордов, слегка подкрутила колки, опять провела по струнам, кашлянула, и, заиграв перебором, затянула глубоким лирическим баритоном: «Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены-ы-ы...». Окончив балладу, она поднялась, перебросилась с юношей парой фраз и пошла, в об-

ратную от Карамбу сторону, быстро исчезнув из зоны видимости. Минут через шесть поднялся и юноша, сложил ладони рупором и звонким чистым голосом позвал: «Галадриэль!». Затем – громче и беспокойней: «Галадрие-эль!». Не дождавшись ничего, кроме эха, он выдернул из земли деревянный меч и решительно направился в противоположную, относительно курса подруги, сторону, устремившись к кустам с залегшим Карамбу. Что видели в это время расширенные зрачки юноши – остается тайной, но только продвигаясь вперед, он энергично размахивал перед собой мечом, со свистом рассекая воздух, и что-то воинственно шептал. От этого зрелища волосы на теле Жоана зашевелились, и его прошиб холодный пот. Вжавшись в траву и листву, Карамбу лежал, замерев. Неотвратимо приближавшийся к кустам безумный меченосец не оставлял никакого выбора. «Если он не остановится и сейчас не свернет...» – пронеслась паническая мысль. Меч рубанул ветки кустов, и Карамбу бросился ему в ноги. Потеряв равновесие, парень взмахнул мечом еще раз и шмякнулся оземь. Упав на спину, сквозь ветви деревьев он увидел синее небо, высокое, холодное, чистое.. Мгновенье спустя, вместо неба возникло лицо – страшное, изборожденное следами страстей – лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, абсолютно черное, облепленное грязью, заросшее шерстью, все в космах спутанных волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которых до сих пор не выхватил из доисторического мрака

невежества луч европейской цивилизации. . . Вот что увидел юноша перед тем, как охотничий нож вошел ему в грудь по самую рукоятку. Он икнул, по телу с головы до ног пробежала судорожная волна, поочередно подняв и опустив верхние и нижние конечности, а на губах его вздулся кровавый пузырь. Негр выдернул лезвие, пузырь тут же лопнул, и парень испустил дух.

Затащив труп в наиболее густой участок поросли, Жоан Антуан сразу же взялся за дело. Рассусоливать было некогда, в любой момент к костру могла вернуться Галадриэль и, не увидев там друга, отправиться на его поиски. А тянуть цельную тушу до самого шалаша было весьма несподручно.

Итак, быстро раздев труп до полной наготы, Карамбу положил его на спину и уверенно сделал ножом срединный разрез вдоль всего туловища. Нож, рассекавший кожу и подкожную жировую ткань, начинал свой маршрут от подбородка, далее следовал через горло, грудь и живот, пока, наконец, обогнув пупок, не вонзился в препятствие лобковой кости. В районе горла открылся свежий кровавой фонтанчик (вероятно, оказалась задета артерия или вена), по напору разом затмивший ручей из смертельной раны в груди. Не обращая внимания на новые источники кровотечений, Карамбу очень осторожно, чтобы не прорезать кишки и их содержимым не испачкать брюшную полость, проткнул кончиком ножа брюшную стенку и поддел ее снизу. После чего, просунув пальцы свободной руки в отверстие и оттягивая ими

стенки живота, он развернул лезвие кверху и продолжил аккуратное продольное рассечение жировых и мышечных волокон. Затем, чтобы улучшить доступ к кишкам, между пупком и лобком он сделал два дополнительных поперечных надреза, уходящих от срединного вправо и влево. Выворачивая один из лоскутов вспоротой брюшной стенки кверху, Карамбу углублял первичный надрез в грудной области и одновременно, уводя лезвие в сторону, отскребал грудные мышцы от ребер. Кровища хлестала уже отовсюду! Теперь приходилось делать паузы, выжидая, пока кровавое половодье сходило на нет, и опять не виднелось русло основного надреза. Продолжая работать ножом, Карамбу очистил грудную клетку, открыв тем самым обзор к подреберной требухе, и принялся за диафрагму. Натягивая ее одной рукой и отсекая ножом от ребер – другой, он, наконец, вырвал ее, скомкал и отбросил в сторону как абсолютно утративший смысл, насквозь пропитанный кровью носовой платок. Теперь можно было заняться и глоткой. Пройдясь лезвием по внутренней стороне нижней челюсти, Карамбу отделил от связок язык, а затем, просунув со стороны брюшной полости руку под грудиной, ухватил пищевод и вместе с ним вытащил язык снизу. А чтобы через пищевод не вытекло содержимое желудка, он осторожно согнул пищевод в петлю, просунул сквозь нее прикрепленный к нему язык и завязал таким образом узел. Тем самым, перекрыв «верхний кран», Карамбу погрузил кисти обеих рук в брюшную полость и, пробравшись че-

рез хитросплетения кишечного клубка, вышел к устью прямой кишки; после чего, сдавив ее у самого анального отверстия и оттянув, он отсек ее ножом и вывел ее конец из брюшной полости наружу. А следом, словно спагетти из кастрюли, вывалил на землю и остальное содержимое утробы.

Когда с потрошением было покончено, Карамбу произвел смену инструментов. Вооружившись топором, он за считанные секунды отделил голову от туловища и отшвырнув ее к кишечному месиву, а затем принялся расчленять все остальное. Отрубив левую руку и занявшись правой, он услышал как прямо за спиной по ту сторону поросли кто-то громко и строго спросил: «Элронд?.. Элронд! ты здесь?». От неожиданности Карамбу едва не отсек руку сам себе. А через мгновение близорукая Галадриэль, раздвинув кусты, шагнула навстречу смерти.

* * *

Розовато-белесое предзакатное небо оттеняло верхние контуры голубоватых крон величественного в своем снежно-хрустальном убранстве молчаливого леса. Проходил последний перед Рождеством день. Ясная рождественская ночь приближалась. Но звезды еще не глянули, а месяц пока не поднялся величаво на небо посветить добрым людям (да и всем остальным – чего уж там). К вечеру мороз усилился, но зато ветер вовсе исчез, и стало так тихо, что, если б кто-нибудь вот сейчас сломал ветку в лесу, то, наверное, слыш-

но было б за полверсты. Но это на улице, дома-то можно и не услышать. Подумав об этом, Авдотья отставила чашку с недопитым чаем, глубоко вдохнула, поднялась из-за стола и, не одеваясь, вышла на крыльцо. Морозы не опасны русской розе, а свежий воздух был полезен для плода, который носила она в себе вот уже шестой месяц... Взор ее, как обычно, притягивала раскидистая ель, справа от которой по невидимой отсюда тропинке всякий раз уходил на охоту отец ее будущего чада. Вот и в последний раз он ушел тем же путем... Внезапно несколько веток вздрогнуло, и сквозь осыпающийся снег на фоне леса приметилось темное пятнышко. Вскоре подвижное пятнышко трансформировалось в человекообразный силуэт, который увеличивался с каждой секундой.

В груди Авдотьи что-то дрогнуло, а после забилося беспокойно и сбивчиво, подобно загадочным заморским тамтам. Она дотронулась ладонью лба, закрыла глаза и снова открыла, ущипнула себя за грудь, наконец, наступила сама себе на ногу – мираж не исчезал, а напротив – принимал все более реальные очертания. Жоан Антуан Карамбу шел в массивной волчьей шубе и замшевых сапожках, отороченных бисером. На руках он держал волчонка. Живого волчонка, но – судя по просторной шубе, шапке и рукавицам охотника – единственного оставшегося в роду.

Авдотья глубоко выдохнула и обняла их обоих, вцепившись в волчью шкуру. Затем, она снова вдохнула, слегка отстранилась и вымолвила:

– Ты вернулся?

– Я, – ответил Карамбу. Волчонок пропищал что-то невнятное.

– Почему ты так долго не приходил?

– Eu também senti sua falta. Eu só vivia com pensamentos de você. Nos dias mais fome, as noites mais frias aquecer a sua imagem e enche meu coração, e qualquer tal disparate, – затапаторил по-португальски Карамбу, но Авдотья все поняла и без слов.

Вот уже красное зимнее солнце тронуло горизонт, и тот медленно начал его поглощать, чтобы вобрать постепенно весь свет, и в сей же миг явить его снова, но уже над другими полями, лесами, пустынями и саваннами. Здесь же небо готовилось сдаться ночному светилу, обрядившись искрящейся россыпью звезд, что своим холодным мерцанием пробуждают в человеческих душах тепло и желание чуда. Праздничный час приближался, когда Авдотья, Жоан Антуан и волчонок на свой страх и риск пошли на поклон к Босовым.

Там их не ждали, встретив весьма настороженно. Впрочем, отходчивая Ефросинья, войдя в положение Авдотьи, быстро выругала, но простила Жоана. А вот Игнат раздумывал долго, попеременно окидывая хмурым взглядом то брюхатую Дуньку, то дуру-жену, то диковатого басурманина с щенком на руках, а то и стоящий в углу оружейный ящик. Тут, улюлюкая и размахивая маленькой плеткой, вер-

хом на лошадке-каталке к взрослым подъехала Настенька, дочка Ефросиньи с Игнатом. Восторженно завизжав, она потянулась к смешному щенку, сейчас же схватив его за нос. И, глядя на то, как в предвкушении дружбы с пушистым зверённышем зажглись её озорные глаза, смягчился и папа Игнат...

Так у Босовых появился новый Кони (названный на этот раз в честь знаменитого африканского партизана Джозефа Кони, о коем любознательный Игнат вычитал в газете «Лихославльская жизнь»). Ну а Авдотья и Жоан Антуан с молчаливого позволения общины снова зажили вместе.

Вот так всё и устроилось. Только месяц этой ночью не выглянул – небо неожиданно заволокло тучами. А подросший через полгода Кони Второй ни с того ни с сего так цапнул за ногу Настеньку, что ей пришлось делать пересадку кожи.

Всегда молодой футбол

Иван Трофимович, седой краснолицый мужчина лет семидесяти в бежевом плаще, серой шляпе, роговых очках и с портфелем из крокодиловой кожи, устало брел домой с затянувшегося рабочего заседания, на котором подводились итоги третьего квартала и ставились задачи на четвертый. Близость офиса к дому благоприятствовала пешим прогулкам, весьма полезным для здоровья в столь почтительном возрасте. Привычный маршрут Ивана Трофимовича проходил через школьный двор, посреди которого пару-тройку лет назад было оборудовано небольшое футбольное поле с искусственным покрытием. Поле опоясывала беговая дорожка, а напротив центральной его части даже была сооружена небольшая, в четыре ряда, трибуна с козырьком. Весь спортивный комплекс, включавший в себя также группу гимнастических снарядов, окружал двухметровый забор. В вечернее время суток футбольное поле практически никогда не пустовало. Вот и сейчас на поле играли две команды по шесть человек, а еще две ожидали своей очереди. Ивану Трофимовичу вдруг захотелось постоять и немного посмотреть на игру молодых ребят, ведь и он когда-то.. Ох, давно это было!.. Он с минуту наблюдал за игрой сквозь металлическую сетку забора, а затем отважился – зашел внутрь и усел-

ся с края трибуны. Благо места вокруг хватало – на сидениях лежали, главным образом, одежда и сумки. Сами ребята, не занятые в игре, весело матерясь и похохатывая, двумя группами стояли (или сидели на корточках) поодаль. Одна из команд, как заметил Иван Трофимыч, судя по внешним признакам, состояла исключительно из южан. Те, в свою очередь, тоже принялись оценивающе оглядывать новоявленного зрителя. Иван Трофимыч отвел от них взгляд и стал следить за мячом. Разнообразные перемещения кожаной сферы, наконец, вознесли его в выси, откуда все явления брэнного бытия видятся масштабно и цельно, а связи причин и следствий предстоят перед мысленным взором хоть и сложной, но вполне читаемой схемой.

Футбол, футбол.. И стар, и млад в плену у него; люди разных профессий, наций.. Так в чем же секрет его популярности? В непредсказуемости? Несомненно. А еще, наверное, в том, что он с детства доступен всем – богатым и бедным, толстым и тощим, длинным и низкорослым, атлетически сложенным и угловато-нескладным. У всех есть шанс проявить себя в нем. Каждый играл в него в детстве. И каждый находил и продолжает находить в нем свое, то, что важно лично для него. В разные годы мы видим в нём разное. Разные люди видят в нём разное. Часто, не отдавая отчета, люди находят в нем свое отражение. Для кого-то футбол – это зрелище, эстетика, драматургия; для кого-то – азарт, борьба, состязание; для кого-то – адреналин, насилие, сво-

бода; для кого-то – интрига, фарт, лотерея; для кого-то – источник энергии, жизненных сил, генератор эмоций; наконец, для кого-то – профессия, бизнес, средство влияния... Для многих со временем футбол становится одним из тех базисов, на которых строится жизнь; с годами футбол превращается в то, без чего уже сложно представить себя, свою личность... Но кто знает, кто помнит начало, когда тебя зацепило? И что же было тем самым крючком, на который поймался ты?.. Речь не о том, как там вышло (что был за матч, и кто победил), речь о том, почему.. Откуда идет эта страсть, что дает импульс, где тот волшебный ключ, открывающий дверь в мир футбола ребенку?.. Ведь ребенок видит в футболе то, что уже не может увидеть взрослый. Пока неизбежное в будущем дерьмо «познания» еще не замутило его восприятие, не залепило кору головного мозга.. Дети смотрят с открытыми ртами на «звезд», но видят в кумирах не блеск, но свет.. О, чистые детские души, не знающие теневой стороны! Но что же там всё-таки было: красивая иллюзия или чувственное понимание какой-то гармонии?.. Или просто эффект новизны?.. Мы уже не помним – как это.. Концов уже не найти.. Столько лет.. Детство.. Что-то осталось, конечно.. Что-то я помню...

Помню, когда родители переехали из коммуналки на окраину, новый район только строился. И ходил я тогда в.. третий? Кажется, да.. А перед домом была площадка с двумя воротами.. Не воротами даже, а двумя какими-то ра-

мами из металлических труб, вкопанными в землю и стоящими друг напротив друга. Судя по всему, изначально эти рамы были похожи как близнецы. Однако, вероятно, возникшие сложности в процессе их внедрения в почву навсегда изменили их облик. Одна из рам стала выше, хоть и имела передний крен градусов десять. Вторая же, поприземистей, благодаря приобретенной кособокости, демонстрировала решительный отказ от прямых углов в пользу тупых и острых. Впрочем, если уж быть совсем точным, то верхние углы – «крестовины» наших ворот – имели скругленный вид, так что «углами» могли именоваться только условно. Но всё это не помешало нам, ребятам, признать в этих странных конструкциях настоящие футбольные ворота. Вообще их истинное назначение было спорным: кто-то из взрослых всерьёз полагал, что вкопаны они здесь не для игр, а для каких-то хозяйственных дел – выбивания ковров-половиков и прочих скучных занятий. Но... Как всегда – победила молодость, победил футбол!.. А даже, строго говоря, не футбол, а его суррогат, его отпрыск, наша эксклюзивная игра – «одно касание». Дело в том, что, во-первых, при относительно небольшом расстоянии между воротами, размер самих ворот был приличным. А во-вторых, в нашем новом доме охочих до футбола сверстников пока еще было немного – собиралось максимум человек шесть, а чаще – и вовсе искали четвертого, чтобы сыграть двое надвое. При таких раскладах обычный футбол был мало приемлем: с возможно-

стью обработки мяча любой удар по воротам претендовал на то, чтобы стать результативным; одна удачная обводка – уже выход один на один, а значит – расстрел практически без шансов для вратаря. Поэтому во избежание голевого хаоса, было введено ключевое правило – каждый игрок не мог сделать более одного касания по мячу подряд; то есть между двумя касаниями одним игроком непременно мяча должен был коснуться кто-то еще – соперник или партнер. Главным финтом, помню, было – использовать соперника как «стенку». В остальном всё как в футболе.. Разве что играли без аутов и угловых, используя всю возможную ширину и длину игрового пространства – от дома до проезжей части, а также за воротами. В «одно касание» играли мы тогда ежедневно, зимой и летом, в любую погоду. Да...

А затем, через несколько лет, за школой появилось нормальное большое поле, с нормальными воротами, и когда удавалось собрать команду – по вечерам шли туда и играли до полной темноты. Тогда я начал все чаще примерять ампула вратаря, и к пятнадцати годам уже считался основным голкипером в классе и, пожалуй, одним из заметных в школе. Да, что было, то было.. Помню: выпускной год, первенство школы, наш 10-й «Г» класс в финале, я в раме, ведем, уверенно так, 3-1, второй тайм. Наши чаще с мячом, комбинируют. «Дэшки» и делать что – толком не знают, командной игры у них никакой, засылают вперед на «столба» своего, форварда Бирцева Мишу.. Но чаще всего – или

наши там мяч перехватят, или я заберу. На голову шлюют – с головы снимаю, пониже идет – все равно будет мой. Видел по траектории – куда прилетит, и куда – если что – отскочит. Чутье, значит, было. Прыгучесть, реакция – тоже в порядке. И это притом, что сам близорук. В очках играл – перед матчем всегда их резинкой крепил для страховки. И вот как-то, значит, свеча пошла, через наших-то всех перелетела, и в ноги ему, Бирцеву то есть (играли-то без офсайдов, конечно). Хорошо он так принял, мяч сохранил, разворачивается, до ворот – метра два, верняк.. А я – раз, и в ноги к нему в тот же миг, как тигр! Он уж ударить собрался, ногу занес, а я кистью мяч накрыл, под себя загреб и свернулся калачиком. Помню, сорвал аплодисменты! А Миша Бирцев нагнулся и тихо сказал мне: «Ты смотри – в другой раз очки не спасёшь..». Промолчал я тогда, а сам думаю – вот ведь гад! Ведь я ж и так две недели назад очки разбивал на футболе. Но не когда сам играл, а на «Кирова». В тот день с «Адмиралтейцем» «Зенит» играл. С земляками. Дерби, как сейчас говорят. Уж и команды такой нет, а я помню. Да...

Помню, стадион был битком. Начало игры. У наших ворот поднялась суматоха, все с мест вскочили.. Ну и в сутолоке забивают они.. Слева их болельщик-работяга от счастья руками взмахнул, по левому уху рукавом зацепил и очки с меня сбил. Они – скок вперед на ряд ниже, а там уже наш, «зенитчик», подпрыгивает от негодования и приземляется

прямо на них под дуплетный хруст линз.. И ведь не видно же теперь ничего! И весь матч впереди! Ладно, хоть выиграли тогда.. Пришел домой – мать в крик, конечно: очков, мол, на тебя не напасешься. Отец «куском идиота» ругал, ну и.. В общем, влетело..

Новые очки, конечно, сразу купили – в школу же надо ходить. И вот теперь этот гад Бирцев призрачно так намекает.. Всего две недели прошло! Ладно, думаю, сволочь, нащупал больное место.. Тут навес.. Я на мяче вроде первый.. выбегаю.. А этот лось тоже бежит.. видит же, что я первый на мяче, а бежит все равно.. на меня.. Ну я прыгаю.. и вижу – он тоже прыгает, но не в мяч будто целит башкой, а прямо мне в голову!.. Успеваю в прыжке увернуться, но при этом до мяча достаю только кончиками пальцев.. Тот будто в воздухе останавливается, зависает.. И налетевший Бирцев вколачивает его в ворота.. Никто меня, помню, тогда не ругал, до этого спасал – будь здоров, особенно – поначалу. Но как-то сразу нервозность пошла – и у других, и у меня. Три-два, и вроде ведём, а мяч перестал у команды держаться. Жмемся к воротам, а те – атакуют, бьют. Всё – с ног на голову!.. Да... Еще пропустили.. Два.. Ну, один – с пенальти, а вот второй.. мог бы, наверное.. Чуть раньше бы выйти.. В общем, 3-4. Продули... А все Мишка Бирцев тогда.. Мудак.. Царствие ему небесное. Интернациональный долг потом отдавал. В Африке. Да.. Дали героя. Посмертно.

Стемнело. Вокруг зажглись фонари. Молодежь продолжала с азартом лупить по мячу. Иван Трофимыч тяжело вздохнул, кряхтя, поднялся с сиденья, взял портфель и направился к выходу. Размякший от нахлынувших эмоций и все еще пребывающий в плену воспоминаний, старик не мог видеть того, что за ним попятам тремя сгустками тьмы из «сетки» бесшумно скользнули три черные тени. Слабый электрический свет фрагментарно освещал его путь. Он миновал школьный двор и, не спеша, тронулся по узенькой тропке, протоптанной мимо помойки. До дверей его парадной оставалось уж немного...

Кубковая игра

В самом деле, что-то затевалось. Как говорится, в воздухе витало напряжение. К нам на расстояние прицельного бутылочного броска приблизились четверо местных. Первого я увидел, когда, затарившись пивом, вышел из привокзального магазина. Через пару секунд он уже обтекал. Бутылкой ему раскрыло лоб, и все его тупое деревенское рыло вмиг окрасилось красным. Это прелестно, никто и не спорит, только вот с ног такую дубину одним, даже метким, бутылочным попаданием не собьешь. Втроем мы бросились к нему добивать. Противно, но прежде чем как следует отбуцкать тыкву заваленной мрази, приходится сначала сделать тому горловой надрез, иначе репа его лопнет словно спелый каштан на огне, и все, что внутри кочана (а какие-никакие мозги есть у каждого), забрызгает не только козырные говнодавы, но и нижнюю часть фирмовых портков. И один из нас с розочкой уж было собрался все сделать по правилам, но тут подоспели два других урелана. Блин, рыла – трендец: все как один – недостающее звено в теории Дарвина. Ну, одного уложили тут же, а второй повернул назад. Похоже, что это была военная хитрость, так как двигался он чуть ли не задним ходом, отслеживая маневры погони, извергая проклятия и отстреливаясь камнями. Очевидно, целью си-

их выкрутасов было заманить преследователей в какой-нибудь хлев, заполненный такими же дикими, как и он, сородичами. Что ж – ему удалось уйти. Ничего, за всех заплатил четвертый. Этот абориген, оценив бесперспективность культурологических споров, также пытался исчезнуть с театра военных действий. Хренушки! От большого искусства так просто не сдриснешь. Старых добрых катарсисов ему было не миновать. Лежа среди битого стекла, промокший с головы до ног от крови, соплей и пива, он молил о пощаде и не знал, что самое интересное для него впереди – пока один из нас не надел перчатки, не достал из рюкзака сверток из прорезиненной ткани и не извлек из него вязаную тряпку, прежде служившую атрибутом одежды бомжа. До абсолютной отключки сознания ядовитую материю пришлось удерживать на тупом рыле местного не более минуты. За это время посредством чиханий он получил множественные сотрясения мозга (или что у него там?). Ну а затем из здания вокзала вприпрыжку выскочил мусорской наряд, и всем стало ясно, что пора закругляться, грузиться в вагоны и там продолжать свой отдых.

* * *

Игра началась, и сразу все как-то задвигались; на мой вкус, чересчур резво. Наш капитан зачем-то отправил мяч из центра левой и вперед – в мою, то есть, сторону; а с ним – и ответственность за его же дальнейшую участь. Верное ре-

шение пришло своевременно – я пропустил его между ног. Мяч прошел дальше, в сторону боковой, и там его подхватил наш фланговый.

Ну, вот и всё. Понеслась. Мой дебют.. Ну и что? А у кого его не было? И если я что-то к своим годам уже понял, так это то, что самое главное – начать. Начать игру в темпе, сразу же завестись. И хорошо б побыстрее коснуться мяча раз-другой.. Ага, вот сейчас..

В тот же миг на нашего рвануло два чужих, не дав пройти и трех метров. От жесткой встречи его ноги подбросило вверх и назад, а сам он подобно мешку глухо плюхнулся передом о газон, едва успев подстелить под голову руки. Хорошенькое начало!

До мяча не достал, это правда. Встретил в ноги, ну что ж – первый стык. Фол, не фол, но меня пройти он не смог.. А это важнее – ведь так?

Прошло всего ничего, и у наших ворот угловой. Отправляюсь «домой» на подачу. Подали в аккурат на меня. Позиция – просто убойная, жаль – ворота свои. Но выпрыгнул все равно хорошо, высоко, и тут же схватил локтем под дых. Штрафной в нашу пользу.

Вот это движуха пошла, ё-моё! Все носятся взад и вперед как угорелые черти. Сразу чувствуешь уровень – скорости не в пример молодежке. Для раздумий вообще нету пауз.. И мне это нравится!

Нездоровая резвость вокруг продолжалась и действовала

на нервы, вынуждала подстраиваться под общее оживление. Вот снова мяч нашел мои ноги. На этот раз сразу отделаться от него я не мог, вокруг как назло – ни своих, ни чужих. Протащил его чуть вперед, до самой штрафной; там и встретили меня трое – нервные, злые. Вот именно им почему-то тогда отдавать мяч совсем не хотелось, и я зарядил по воротам. Вратарь словно ждал.

Вообще мне надо следить вон за тем, за «девятым», а еще страховать правый фланг. Сказали: вперед не ходить, играть осторожней. Хотя, если все пойдет ровно, то, думаю, можно рискнуть.. Ну, посмотрим. Ведь если тебе дали шанс – рви задницу честно, а там будь – что будет. Я прав или нет?

Вскоре я заметил, что ко мне прилип парень, такой шустрый и рыжий. Он был незнаком мне – видать, новичок. Поначалу держался так скромно, в сторонке, но затем осмелел и всюду уже путался под ногами. Не знаю уж, может, кто-то над ним подшутил – сказал, что я шибко опасен, мол, за ним – глаз да глаз?.. Или просто понравился чем-то ему – вот и бегал за мной – в друзья набивался? Только мне с ним дружить ни к чему – мне на поле без дружбы спокойней...

Все дело в том, что нужно показать, на что ты способен с первых минут. Каких бы сил это ни стоило. А силы-то были, и я успевал. Успевал за «своим», подчищал за другими, игра вроде шла. Еще бы забить нам.. Должны, должны, должны – пульсировало в голове. А легкие ноги сами неслись

туда, куда было нужно...

Не прошло полчаса, как с небес зарядил жуткий ливень. Футболки врагов от дождя потемнели и стали похожи на наши, и когда мне опять подсунули мяч – я в запарке отдал пас чужому. Тот на радостях сразу рванул с ним на нашу половину. Я не сильно расстроился и сперва хотел всё оставить как есть; но потом решил, что нужно все же вернуться и попытаться догнать – таково было правило... Тем временем, приставшая к форме грязь еще сильнее сблизила наши цвета, приходилось быть начеку. Вода все падала струями сверху, а мы продолжали бодриться. Довольно утомительно месить грязь ногами, я вообще не люблю много бегать; но и мерзнуть стоймя под осенним дождем, покрываясь в ознобе мурашками – тоже радости мало.

Минуте к тридцатой полил сильный дождь. Мы очень быстро промокли, а с нами намокла трава, и если слегка разбежаться – теперь можно было скользить, не смотря на шипы. Грязь разлеталась от бутс во все стороны, а я летал как на крыльях... И это была настоящая битва! Вокруг все метал и рвали, давили, душили, кряхтели и харкали, терпели, но продолжали вгрызаться в газон, набивая рот дерном... Но все шло отлично. И это был Матч! Ход игры был под нашим контролем, я знал.. Мы сделаем их! Сделаем, сделаем, сделаем, расшибемся в лепешку, но сделаем...

Ну что ж, дождь все лил, а сопляк все слонялся поблизости. Откровенно сказать, я и раньше-то дождь не любил, он

всегда мне не нравился. Больно уж он водянистый. Но ладно: просто дождь я готов еще вытерпеть. Но когда идет дождь, а рядом ещё эта рыжая морда – это уж каждому ясно, что слишком!.. И, в общем, пытался я как-то ему намекнуть – на ногу, там, невзначай наступал, локотком чуть пихал – всё без толку... Вроде мяч получу, развернуться бы надо, а он – тут как тут, за спиной, не даёт. Как клещ банный впился, прилип к мокрой жопе. Так и дёргал меня целый час, пока не унесли его с поля...

Ну а вышло там так. Шёл навес на ворота. Я, как полагаются, рванул туда, куда падал мяч. Конечно, со мной рванул рыжий, и даже вышел вперёд. Но и он до мяча не добрался. Первым поспел их вратарь. Здоровенный как горилла, зычно крикнув, он в высоком прыжке пошел за мячом. Я же решил доработать. Сперва зацепил на бегу ногу рыжему, и тот, пролетев пару метров вперёд, поехал на пузе к воротам. А затем, повинуясь инерции, я воткнулся в голкипера, когда тот с мячом возвращался на землю. Вратарь отлетел чуть назад, правда, мяч сохранил, но, приземлившись, нашел под стопой голень рыжего.. Потом я прикидывал – что там, да как. Видно, голень у парня была навесу – земли касались носок и колено, а этот здоровый всем весом.. И такой сразу хруст! Это что-то ужасное! В тот момент я решил, что больше на поле не выйду вовек, не вставив в уши беруши; плевать, что в игре не услышу ничьи голоса, гораздо важней защититься от этого звука. Даже вопль, раздавшийся секунду спустя, не

так впился в мозг, как тот мерзкий, отвратительный, душе-
раздирающий хруст лопающейся человеческой кости... Ка-
кие-то доли секунды рыжий растерянно смотрел на свою но-
гу, на то её место, где из тёмной, в момент пропитавшейся
кровью, гетры вылезал светлый обломок кости. А потом, за-
жмурившись, закричал. Я отвернулся и отошёл. Наверное, и
он услышал хруст прежде, чем осознал присутствие боли...
Судья дал мне жёлтую за толчок вратаря. Когда прибежали
врачи, и все столпились вокруг, я опять подошёл посмотреть
поверх плеч – как там рыжий. Теперь он лежал на спине, по-
драгивая все телом, гримасы боли искажали лицо, залитое
потом, дождем и слезами. Он ловил воздух ртом, будто бы
задыхаясь. Казалось, он был рад бы сейчас отключиться, но
сознание не оставляло его. Рядом с ним на корточках сидел
его друг-здоровяк, что сломал ему ногу... Ну да ладно, про-
ехали.

Минут за пятнадцать до конца второго тайма, вымыв из
нас все силы, перестал идти дождь. Большинство к тому вре-
мени изнурилось и измучилось настолько, что всё происхо-
дящее воспринимало с раздражением и злобой. То и дело
кто-нибудь из нас падал в грязь и, надрывно дыша, лежал в
ней, не имея ни желания, ни воли подняться и вернуться в
игру. Счёт все так же не был открыт. Замены, кажется, были
исчерпаны; тренеры меняли кого угодно, но не меня.. Впро-
чем, игра уже давно превратилась в невнятную возню, и ни-
какие замены не могли ничего поменять. Игрокам, похоже,

хотелось спокойно доковылять до послематчевых пенальти, ну а там уж – как фишка ляжет. Что ж, тоже вариант, если нет возражений.. Но нашлись несогласные: несколько упрямых сизифов смущали своими потугами всех – человека четыре на обе команды, они все еще видели смысл в этих нудных шевелениях. По всему выходило, что я не из их числа. Я стоял и смотрел из центрального круга за неспешной атакой противника. Только наши достойные оппоненты в своей вялой осаде, отпихивая друг другу тяжелый намокший снаряд, и на этот раз не смогли хотя бы пальнуть по воротам. Кто-то прервал их поперечную передачу, и наш неугомонный правофланговый, подхватив мяч, стремглав понесся по бровке. Путь был открыт. Похоже, у нас могла получиться быстрая контратака.. Наперерез к нему бросился их последний страхующий, оставив свободной центральную зону. Собрав остатки сил, я устремился вперед. Наш вингер с их защитником бежали резвее, чем я – их гнал демон спорта; им бы весь матч по лужам скакать – нет большего счастья. Но ведь это и к лучшему: теперь, если б даже хотел, я не смог бы забраться в офсайд. Важно было не отстать слишком сильно, тем паче я знал, что за мной рванули другие. Бежали, наверное, все, кто хоть как-нибудь мог – и свои, и чужие. Те двое неслись к лицевой бок о бок, их парень выдавливал нашего к бровке, а наш не сдавался – тащил мяч вперед. Он знал, что мне нужен прострел; я знал, что он ищет возможность.. Вдруг мяч вынырнул из-под них и низом пошел в направле-

нии центра штрафной. Мяч шел по дуге, уходя от ворот. Он быстро скользил по мокрой траве. Вот только не слишком ли быстро?.. До конца основного – пара минут, плюс немного добавят. Но если сейчас я его не достану, если я не смогу дотянуться – впереди полчаса овертайма!..

Ну уж нет, вашу мать! Сил и так не осталось. Овертайм нас просто убьет. И я решительно прыгаю, вытянув левую ногу под прострел справа. Туда же бездумно бросается кипер. Вот он, наверно, не прочь поиграть в овертайме. И теперь он летит руками вперед навстречу моей ноге.. Что-то не так с его головой. Нет, внешне пока еще с ней все нормально.. Но то, что с ней будет через долю секунды.. я не хочу даже думать.. Это меня не касается. Я уже все равно ничего изменить не могу. Я просто лечу...

И вот я лечу. Мы летим все втроем – я, мяч и вратарь, летим в одну точку...

Навеки молодой футбол

Старый очкастый хрыч в белом плаще и шляпе сидел и смотрел за игрой. А когда он собрался сваливать, Пабло толкнул локтем Мигеля и, глядя в ту сторону, тихо сказал: «Пойдем, проводим..». Мигель посмотрел в глаза Пабло, потом посмотрел вслед старику, снова повернул лицо к Пабло и кивнул. Я стоял рядом, и все видел и слышал. Поэтому Пабло обратился ко мне и тоже тихо спросил: «Пойдешь с нами, Габриэль?». Я тоже кивнул. Пабло улыбнулся. Но тут же сбросил улыбку и серьезно сказал: «Только тихо. Делать только, что я скажу.. Ладно, пошли». И мы трое двинулись к выходу. Но тут нас окликнул Мигель (другой Мигель, не тот, что один из нас, из троих):

– Эй! Вы куда?

Мы остановились. Пабло повернулся к нему и сказал:

– Скоро вернемся.

– Через десять минут нам играть, – тогда сказал Мигель.

Это мы знали. Пабло сказал:

– Мы успеем.

Старое чучело шло с портфелем метрах в пятнадцати впереди. Судя по походке, то футбольное зрелище, которым он здесь наслаждался, вконец его измотало. Выйдя со школьного двора, освещенного в этой части, он двинулся дальше по

узкой дорожке, похоже, в ту, ближнюю, башню. Мы так же шли сзади, сохраняя дистанцию. Здесь фонарей уже не было. Людей никого тоже не было. Но справа торцом к дорожке выходила пятиэтажка, и в окнах ее горел свет. Когда мы почти дошли до нее, Пабло встал и жестами рук показал нам тоже не двигаться. Пока мы стояли, старик еще отдалился. Тогда Пабло нас спросил:

– Видите помойку?

Впереди в темноте, слева от дорожки, виднелась помойка, там стояли контейнеры с трех сторон обнесенные кирпичным забором. Место действительно было темное, вот почему Пабло заговорил о ней – догадался я.

Пабло продолжил:

– Мы с Мигелем сейчас её обойдём, и там его встретим, а ты, – сказал он мне, – так же прямо пойдёшь, и если он повернёт – перехватишь. Ножик есть у тебя, или что-нибудь?

– Нет.

– Ладно, ты задержи его только. Далеко всё равно не успеет.

И они, забирая левее, вдвоём побежали. А я один пошёл дальше.

Когда старик дотащил себя до помойки, там его уже ждали. Пабло, а за ним Мигель – выскочили из-за контейнера перед самым его носом. В руке Пабло блеснул нож. Это было красиво. Старый бздун тут же ойкнул, уронил портфель, сам присел, враз ослабнув в калениях.

– Тихо! – тихо скомандовал старичку Пабло, приблизив лезвие к его животу, – Доставай, что в карманах.

Мигель стоял рядом там же, молчал. Я тоже встал молча, закрывая пути к отступлению, у кирпичного ограждения, в нескольких метрах от них. Старичок застремался, заблеял. «Я.. я.. хорошо.. да.. конечно.. сейчас..». Засунул руку в карман плаща. Потом, вынул. Но уже со стволом. И сразу же выстрелил. Два раза. Выстрелы, как громкие петарды, хлопнули в тишине. Пабло упал сразу, выронив нож. Мигель же согнулся, схватился за живот, и медленно, будто вкручиваясь вниз, тоже свалился рядом. Старик подождал пару секунд. Приподнял на лоб свободной рукой очки. Сощурившись, посмотрел на них сверху. Пабло замер сразу, не двигаясь, а Мигель застонал и попытался подняться. Тогда старик выстрелил еще два раза в Мигеля, а, потом, один раз – в Пабло, и до того лежавшего тихо. К нам никто не бежал, ничего не кричал – все, наверное, так и решили: «Опять запускают петарды, и так – каждый день...». Я припал к помоечной стенке, надеясь с ней слиться. Старик обернулся, повертел очками туда-сюда, но, похоже, меня не заметил. Затем, покрутил пистолет перед носом, понюхал – чем пахнет, громко вздохнул, и положил его обратно в карман плаща. После, крякнув, поднял с земли портфель и так же, нетвердым шагом, направился дальше.

Когда старик скрылся из виду, я отлип от стены и подошел к Мигелю и Пабло. Они лежали на спинах, как-то странно

изогнув руки и ноги, голова к голове, с ранами в груди, животах и шее, в луже из общей крови, и с открытыми ртами удивленно смотрели на звезды.

Между тёмных деревьев её отыщи

И вот выхожу я, значит, как-то из своей комнаты по каким-то делам – с кем-то там перетереть вроде нужно было. Возвращаюсь назад, а комнаты нет. Соседские комнаты здесь, а моя не на месте. Ломлюсь во все двери, вхожу – всё чужие комнаты. Что за фигня? Моя вот была между этой и этой!.. а теперь они как бы соседние.. А в комнате подруга осталась.. А, кроме того, там все мои вещи и деньги.. Как же так?.. Так и стою в шлепанцах, шортах посреди коридора напротив участка стены, где предположительно только что была моя комната, стою и охреневаю...

В ночь с 21-го на 22-е июня группой хулиганов из числа студентов, проходивших учебную практику в Саблино, было разгромлено занимаемое студентами полевое общежитие № 2. В том числе: разбиты все лампы дневного освещения в коридоре, выбито несколько дверей в жилые помещения, разбито несколько окон в комнатах, разломаны стулья и тумбочки, проломлен фрагмент стены. Если исчислить размер причиненного только материального ущерба, может показаться, что все происшедшее есть результат алкогольного безумия, следствие группового умопомрачения. Такая мысль невольно приходит в голову: настолько бес-

смысленны и масштабны разрушения. Кажется, что разум человеческий не может участвовать в подобных «свершениях» по самой природе своей. Однако, это не так. Впоследствии стало известно, что акт вандализма не был стихийным – он был спланирован. Согласно некоторым показаниям, накануне хулиганы предупредили однокурсников, что собираются «громко и весело» отметить день рождения певца Виктора Цоя «с возможными неудобствами» для окружающих, посоветовав тем, кто не готов разделить вместе с ними торжество в честь кумира, провести эту ночь не на базе, а в городе. Многие так и сделали. Были и те, кто в трусливом соглашательском равнодушии стали безмолвными свидетелями погрома. Но, как свидетельствуют очевидцы, нашлись и такие, кто, не страшась неминуемой расправы, выступил против распоясавшихся молодчиков. Так, студент географического факультета Константин Малюков, выйдя из своей комнаты на шум в коридор и видя, как одиозная группа сокурсников собралась «выносить» соседнюю дверь, попытался остановить хулиганов жестом, обратив к ним руку с открытой ладонью. Увидев такое, отморозки дружно выкинули в ответ нацистские приветствия, подхватили студента Малюкова и приволокли в свою комнату, где стали принуждать того к распитию спирта «Рояль», насильно удерживая за столом свою малопьющую жертву до тех пор, пока та, потеряв всякую способность к сопротивлению, обессилено не рухнула на пол, едва не захлебнув-

ишь там рвотными массаами. Свой загодя спланированный погром нелюди, как показали их же сокурсники, окрестили «перформансом-манифестом», подведя под него в виде идеологической базы какие-то дикие, лишённые смысла, дегенеративные рассуждения, названные «аморальной теорией», понятной и близкой разве что каким-нибудь маньякам или же каннибалам. Их однокурсники, работники студенческой базы и преподаватели университета теперь ознакомились с практическим воплощением данной «теории», они теперь знают, что значит «право», «этика», каковы прочие элементы «философии» вандализма. Обо всём этом свидетельствуют развалины барака №2, ещё недавно служившего уютным домом студентам-географам в течение их летней практики. Так в чём же всё-таки была цель этой «акции»? Можно ли найти этой дикости какое-то рациональное объяснение? На наш взгляд, осознанной или нет, задачей вандалов была попытка дискредитировать такие понятия как «студент», «университет», «высшее образование», «человек»; замарать, зачеркнуть в сознании однокурсников гордый смысл этих слов, подменив его аморальными, извращёнными ассоциациями; нивелировать уважаемое звание студента госуниверситета до своего пещерного, неандертальского уровня...

А вот интересно, подумал я, глядя на читавшую нам приговор секретаря деканата, вот она, Элеонора Эрастовна, какой была в молодости? Лет сорок назад? Симпатичной, или

тогда уже страшной? Девственницей, или шпилилась направо-налево? Да шпилилась, скорее всего! Тот же Сан Саныч наверно и драл её. Да на клык по субботам давал. Брал так за щёки, еще тогда не висячие и без этой нелепой растительности, перехватывал затем за клубок на затылке (он и раньше мог быть, клубок тот), другой рукой за шею, еще не пятнистую и без этой висячей херни бородавчатой, и давай её это.. своим. Мда.. Какая же всё-таки гадость. А ведь так всё скорее и было...

– Таким образом, считая нашим долгом защиту принятых норм и недопущение поправки устоявшихся ценностей, мы требуем исключения хулиганов из числа студентов первого курса географического факультета Санкт-Петербургского государственного университета с возмещением с них в полном размере материального ущерба, нанесённого имуществу базы. Рапорт подписан старшим преподавателем учебной практики Рукомойниковым К.В., замдекана по учебной работе Валиевым Т.А. и комендантом учебной базы Паниной Ж.О.

Закончив читать, Элеонора Эрастовна взглянула на нас поверх очков и положила бумаги на стол. Мы стояли здесь вчетвером в фокусе коллективного осуждения членов совета. Возникшая в аудитории многозначительная тишина подчеркивала небывалую, нездешнюю чудовищность преступления.

– Кроме того, – нарушил наконец безмолвие декан фа-

культета Сан Саныч, – Кирилл Валентинович жаловался, что во время изучения данного дела по горячим следам, понимаете, в бараке там кто-то сквозь щели вверху, в потолке, что ли, как-то.. облили его нечистотами, понимаете. По всем признакам это опять были вы.

– Просто утром тогда он так прямо нам и сказал, что делает всё, чтобы вышвырнуть нас с универа. С позором. Да! Нам хотелось его проучить. И когда мы следили за ним с чердака, Павлуше как раз захотелось отлить, ну и...

Нет, конечно, ничего похожего мы не сказали.

– Это были не мы, – ответили мы, строго взглянув друг на друга, чтоб сквозь маски праведного возмущения не проби-лась чья-нибудь предательская улыбка.

* * *

Нам нельзя было здесь ночевать. Как и многое из того, что мы делали. Мы прибыли вечером в Кузнечное, чтобы завтра продолжить здесь практику, начатую в Саблино месяц назад. Практику до окончательного рассмотрения нашего дела условно пройти нам позволили, но настрого запретили пребывание на территории базы в неурочное время – ночевать мы теперь должны были в городе. Нам шили вандализм, несовместимый с гордым званием студента университета, и вешали на нас круглую сумму, столь же несопоставимую с материальными возможностями студентов-первокурсников.

Все шесть кроватей, что были в комнате, стояли бок обок,

стремясь разместить на себе максимальное число тел. Пост-праздничные флюиды исходили от спящих друзей и подруг, наполняя пространство кисло-сладким умиротворением. Легкомысленным посвистом льнуло к ушам коллективное дыхание. Вот кто-то всхрапнул, словно хрюкнул. Это Андрюха. Глядя в Оксанин затылок, на тонкую шею с пушистыми завитками, я вышел из нее и сдвинул нижнюю часть ее трусиков на место. Слегка подтянув их вверх, отпустил слишком резко – так, что услышал хлопок от резинки – не знаю, проснулась она или нет. Меня самого уносило куда-то...

Когда я открыл глаза снова, по всему было утро. Сквозь штору к нам в комнату сочился назойливый утренний свет. Оксана, по-видимому, вернувшись из туалета, пробиралась надо мной к своему спальному месту. Она уже успела перенести через меня одну ногу и руку, когда я крепко схватил ее за бока.

– Ну что ты делаешь, – с притворным возмущением простонала она, увлекаемая притяжением моих рук.

– Подожди, – прошипел я в ответ, сдвигая куда-нибудь в сторону невозможно тугую ткань ее трусиков. Рядом кто-то крутился. Плевать...

Сквозь сон я слышал стуки и крики извне – вероятно, наши добрые однокурсники звали нас, непутевых, в поля. Кто-то лягнул меня в ногу. Открыв глаза, в зашторенном комнатном полумраке я увидел, что все на местах – так же дрых-

нут, но справа, упершись в бедро мне стопами в серых носках и повернувшись ко мне пышным задом, стоит на коленях Светка и колдует над пахом Данилы. Данила лежал на спине с закрытыми глазами и открытым ртом и шумно дышал. Был он почти недвижим. Только правая рука его, словно живя своей жизнью, то незряче касалась пушистого желтого хвостика Светкиных волос, прыгавшего не только вверх-вниз, но и влево-вправо, а то взмывала вверх над ее головой, будто бы дирижируя.

– Смотри, – услышал я слева шепот Оксаны и тут же ощутил густой аромат перегара, – Видел такое? – я не совсем понял, о чем она именно, но она продолжала, – Никогда не видела, чтоб минет поперек делали. Отвернись, не смотри.

– Минет поперек, – так же шепотом повторил я её выражение, хмыкнув. Я действительно повернулся к Дане и Светке спиной, стиснул Оксану, слегка наклонив её голову и прижав к своей груди, выражая тем самым неостывший к ней интерес и щадя наше с ней обоняние от обоюдного выхлопа. Она продолжала шушукать мне в грудь:

– Ну да. Что смеёшься? Не, я врубаюсь – это чтоб заслонить.. Всё равно необычно. У нас одна девочка, когда я в больнице лежала, странная была – засыпала всегда поперёк. Сидя в наушниках. Она вообще их не вынимала, и в туалет, и на обед – всюду в них. В общем, будили её – тогда она раздевалась, ложилась нормально. Вдоль. Лежала так, ворочалась, скрипела, блин, кроватью, а заснуть не могла. Снова седи-

лась и скоро опять вырубалась. Такая вот странная. Но там вообще странных много. Если не наркоманка, то тронутая.

– А как она выглядела?

– Кто?

– Девка эта.. Брюнетка такая, стрижка короткая?

– Ну да.. каре укороченное.. А откуда ты?..

– Ехала в электричке с нами такая.. не от мира сего.. вспомнилась сразу, когда ты про неё начала. А тебя как туда занесло, в больницу?

– Да.. Сожрала колес в депрессухе. Парень мой умер. От передоза. Десять месяцев ровно встречались мы с ним, почти что одиннадцать. Но я испугалась, матери рассказала. Промыли меня..

Сзади вдруг крикнул Данила, и коротко пискнула Светка...

– Нас музыкой там лечили. Надевали повязки всем на глаза и включали этого.. Грэя. Нет, подожди.. Грина! Точно, вспомнила – Грига! Им главврач фанател. Говорили, он сам как-то раз чуть не съехал, и Григ его спас...

Андрюха подвел Руслана к крыльцу, развернув его так, чтобы я мог забраться с перил. Когда я залез ему на спину, его повело, но только на пару секунд. И то – не от веса, конечно, а от моей неуклюжести. Вообще, Руслан был привыкшим – едва ли не каждый второй практикант норовил про-

катиться верхом на коне коменданта базы Павла Эдуардыча, большого поклонника Бахуса. Я вот тоже собрался за водкой. Пешком до станции далеко: туда семь км, и обратно не меньше. Верхом-то, должно быть, поближе.

– Ну вот, а боялся, – подбодрил меня Андрей, когда я принял что-то близкое к позе наездника, – Шлепнешь по задку – вперед, нужно налево – слева за гриву потянешь, направо – справа. Ну, давай! – хлопнул он сам по крупу коня, и Руслан со мной на спине как-то игриво потанцевал к воротам базы.

– Бери «осланова». А если не будет, то «черную смерть». Или «зверь». Но нормальную только бери, не цитрон, – лети мне в спину последние напутствия.

У ворот стояла Оксана.

– Возвращайся быстрее, чтобы ночью искать не пришлось! – промурлыкала она тихо.

– Не придется, – в ответ я браво махнул ей рукой и зачем-то «пришпорил» Руслана кедрами. К счастью, тот остался холоден к моей вольности.

От базы наш путь шел налево. Я изготавился дернуть за гриву с соответствующей стороны, но не успел. Конь сам повернул куда нужно и посеменял с краю дороги в правильном направлении. Не впервой, соображает. Руслан слыл толковым конем – флегматичным, но, в целом, послушным. Говорили, он был слеповат, чурался быстрой езды, но, главное, был дружелюбен к седокам без седла, без узды да других лошадиных приблуд, и без опыта.

На этом отрезке дорога вела прямо. Руслан шагал, мерно бряцая копытами, мой пустой рюкзак за спиной мягко елозил в такт, наверху было хмурое небо, а вокруг темнел лес. Серо-зеленые елово-сосновые полчища грозно возвышались по обе стороны дороги, снизу переплетаясь с березой, ольхой и каким-то кустарником, а меж папоротника у самой земли скалились хищные валуны.

Мы ехали так минут двадцать, когда справа открылась тропа. По главной дороге нам тоже было направо, но позже. Тот поворот был на перекрестке, а эта лесная дорога, углубляясь в чашу извилистой гипотенузой, вселяла надежду срезать по ней прямой угол. Особо спешить смысла не было – до закрытия магазина оставалось еще часа два, но и шанс сократить маршрут упускать было глупо. Настойчиво дергая конскую гриву правой рукой, я убедил не желавшего отклоняться от основной магистрали Руслана ступить на неведомый путь.

Здесь было заметно темнее. Лес все беспардоннее трогал нас ветками, и мне приходилось порой пригибаться, чтобы избежать наиболее болезненных прикосновений. Руслан чуть прибавил, возможно, желая быстрее разделаться с этим участком дороги и вернуться к привычным асфальтовым ориентирам.. А наша тропинка сужалась, терялась, будя беспокойство, снова угадывалась среди валунов, тут же ныряла под папоротники и, наконец, просто выродилась. Рус-

лан, видно, тоже встревоженный, теперь перешел на рысь. Я крепко обнял его шею, согнувшись, и стиснул ногами конские бока. Мы забрались в какие-то дебри. Ветки деревьев хлестали теперь всё сильнее, верно, подстёгивая Руслана, который всё больше наращивал темп. Впившись, прилипнув к коню, я утешал себя мыслью о том, что он знал (чувствовал, наконец), куда нёсся. Проклиная себя за глупость, приведшую нас на тропу истязаний, я молил об одном – чтобы всё это кончилось как можно быстрее. Рельеф пошёл волнами. Мы то взмывали на вал, то ныряли в ложбину, то снова карабкались вверх. Низкие ветки бьют сверху, кусты колют снизу, серые валуны рвутся из-под земли, норовя угодить под копыта.. Лес всё густел и темнел. Огромная чёрная ель внезапно прыгнула нам навстречу, потрянув всё вокруг, и я устремился в её распростертые лапы. Я, видно, зажмурил глаза, так как тьма стала вдруг абсолютной.

Когда я открыл глаза вновь, то сразу почувствовал боль – жгло локоть, и дико ныл бок. Встав на четвереньки, я выполз из-под ели и сразу ощутил на себе освежающую дробь грибного дождя. Руслана поблизости не было. Я громко позвал его несколько раз, надеясь услышать сначала треск веток, а после увидеть и его самого, верного друга-конягу, радостно выпрыгивающего из зарослей в объятья нерадивого ездока. Но никто ниоткуда не вышел. Ни через пять, ни через десять минут, ни вообще.

Я заметил, что лес потемнел ещё больше – по всему выходило, что с момента падения прошло какое-то время – день таял. К слабому шуму дождя прибавился шелест деревьев – порывистый ветер раскачивал их надо мной, то заслоняя скоплением ветвей, а то вновь запуская сюда тусклый свет сумеречного неба. Я осмотрел себя лучше – левый рукав лёгкой куртки на локте был разорван, сквозь дыру алела здоровая ссадина с прилипшими к ней иголками, травой и землёй. Но больше тревожил бок – когда я чихнул, болью пронзило всё тело – я невольно присел. Взяв зубами за край футболки и приспустив штаны, я обнаружил на боку огромный синяк с малиновым центром на выступе тазовой кости. Прошелся, осторожно массируя место ушиба.

Вокруг был лес. Тёмный, манящий, живой и пугающий. Размеренные движения веток напоминали ровное дыхание великана, сидящего на земле и с терпеливым любопытством следящего за копошащимся у ног жалким в своей обреченности существом. Внезапно что-то дёрнулось там, вдалеке, выведя из общих монотонных колебаний одну или несколько веток, сообщая им новые фазу и ритм. И тут я увидел её. Со спины. Тем не менее, сразу узнал. Черная короткая куртка-косуха, синие джинсы, между воротом куртки и коротко стриженным черным затылком белая веточка шеи, словно вьющимся хмелем обвитая двумя чёрными проводами. Девушка не от мира сего. Девушка с электрички. Руки в карманах, она удалялась. Эй! – крикнул я, когда она скрылась

из вида, – Эгегей! Подожди! Налетел порыв ветра, и сквозь лиственный шум, я как будто услышал ответ. Да, она отвечала! Я пошел, а затем побежал. Где ты? Эй? Небо стало немного светлее – ветер разогнал облака. Я бежал и кричал на бегу, но теперь я не слышал её. Неужели мне все показалось? Я застыл, вслушиваясь в лес. Лес шуршал и скрипел, понуждаемый ветром. Нет, опять ничего. Только лес.. И вдруг – чей-то голос.. Он пел!.. женский голос. Не так далеко. Знакомый мотив.. Я пошёл, продираясь сквозь ветви, в направлении звука. Я здесь, я иду, подожди! – заклинал я лесную тьму, лавируя между деревьев и боясь не успеть. Я бежал, спотыкался, вставал, замирал и прислушивался, вновь бежал непонятно куда...

В какой-то миг я очутился на поляне, залитой лунным светом. Деревья, трава и кусты – всё вокруг было в каплях воды, блестящих теперь под луной подобно каким-то кристаллам или тысяче глаз. Ничто не тревожило их – ветер стих. Одежда моя была мокрой. Я провел рукой по лицу, стирая зудящие следы недавнего дождя, и тем самым смахнул наваждение. Я понял, что я здесь один. Здесь нет никого, да и не было. Никто не кричал, не звал и не пел. Я просто носился кругами, одержимый фантомом.. Но теперь всё прошло. Я стоял на поляне, одинокий как уд, в этом чёрном волшебном лесу. Я стоял и не ждал. Ничего.

Русское регби в глубинке

Когда все наконец-то прекратили дубасить по грушам и друг по другу, стоящий посреди зала бритоголовый крепыш перестал размахивать бумажным листком и, понизив голос, продолжил:

– Значит, еще раз, коллеги, для тех, кто не слышал: пришел ответ от наших заклятых друзей из Москвы. Вот он:

Милостивые государи!

Рассмотрев Ваше любезное письмо от 30 июля, мы с радостью решили воспользоваться Вашим предложением и 3 августа выедем юниорским проверочным составом в Петушки состязаться с Вашей молодежной командой в формате 13 на 13. Форма наша будет: рубашки (манишки) – фисташковые, брюки (шорты) – произвольных цветов.

Надеемся, что погода будет благоприятствовать, встреча пройдет оживленно, и что эти состязания положат начало нашим регулярным контактам. О точном времени и месте ждем от Вас дополнительных инструкций.

В надежде скорого свидания пребываем к Вам с совершенным почтением...

Закончив читать, Б. повернулся ко мне и оскалился – здесь из молодняка во всем зале, как назло, я один. Тут же в мои спину, плечи и грудь прилетает серия ободряющих тыч-

ков от старших товарищей: ну что, звездный час?.. дождался?.. давай.. смотрите там только.. не обделайтесь... Почему-то резко схватило живот.. Захотелось в туалет.

Еще целые сутки. Ну, меньше чуть-чуть. А мысли, чтобы я ни делал, раз за разом возвращаются к предстоящему махачу. Тогда движения становятся порывистыми и резкими, пальцы начинают плохо слушаться, роняют предметы; дыхание сбивается – проявляет себя нервозность. Делаю глубокий вдох. Из зеркала на меня пристально глядит очень серьезное непростое лицо. Я подбадриваю свое отражение, показывая указательным и средним пальцами правой руки латинскую V, а для пущей уверенности затем добавляю торчащий поверх кулака большой палец.

После ужина начинает рубить, клонить в сон. Можно жакнуть женьшеня, но тогда раньше трех не заснешь, а завтра нужно быть выспавшимся.

Выспался плохо. Встаю, чувствую – левое плечо начинает побаливать, отлежал что ли? Под правым коленом с внутренней стороны тоже появилось какое-то неудобное ощущение. И если боли в плече просыпаются периодически, то под коленкой – это что-то новенькое. Чувствую общую слабость. Пытаюсь трезво понять, оценить – здоров ли я, готов ли? Ведь чтобы никого не подвести – я должен быть на все 100... Какое-то время уделяю этим сомнениям, хотя и понимаю, что это всего-навсего страх, банальный страх. Ему даже мож-

но немного поддаться, чтоб потом мужественно преодолеть.

Перед выходом из дома оборачиваюсь, смотрюсь в зеркало, и вижу человека, готового ко всему. Закрываю дверь. Ключи пляшут в слегка непослушных пальцах. Ладно. Когда все начнется, все будет как надо. Говорю я себе.

На улице жарко. Днем будет ад. На первом перекрестке поворачиваю направо. По улице вниз, в овраг, ноги сами несут...

По пути вдруг наваливается зевота. Периодически от макушки до ног как будто пробегают волны слабости, какая-то часть ее забирается в мозг. Встряхиваю головой как намокший пес – как бы вышвыривая из нее тревоги, мысли о нехорошем исходе. Блин, хватит себя накручивать, всему – свое время. Нужно послушать что-нибудь бодрое. Что-нибудь бодрое, старое, доброе. Нахожу в телефоне “Asbo Sports Day” SHAM 69. А следом ставлю SPITFIRE – “In Bloom”.

Наверх по лестнице. Слева церковь. За ней стены монастыря. А над ними величавый собор... Ах ты ж, драть-грохотать! Капа!.. Парализующее осознание пронзает меня аки грешника – меч архангела Михаила, и я замираю на месте. Моя боксерская капа.. Я вынул ее из спортивной сумки, чтобы затем переложить в рюкзак, но не переложил! Забыл! Или все-таки нет? Снимаю рюкзак, расстегиваю переднее отделение – хрен! То есть нихрена. Лицо как-то сразу бросило в жар, а футболка намокла от пота. Но бинты-то я точно брал.. Открываю второе отделение – на месте бинты. И там же я

вижу капу! Ну вот, уже лучше...

У «Корнера» стыкуемся с М. Он говорит, что К. звонил, и сказал, чтоб не ждали, он немного припоздает и придет уже прямо к вокзалу, на общую сходку.

Следуем к площади, затем через парк, а затем по деревянной лестнице вниз. М. говорит:

– Посмотрел тут фильмец. «Валгалла. Сага о викинге». Не смотрел?

– Не. Прикольный?

– Вообще – тема! Обязательно посмотри. Если живым и здоровым вернешься.. Гы-гы..

– Тьфу-тьфу-тьфу, блин! Шутник.. Я и так на измену присел – думал, что капу дома забыл. Уж прикидывать стал – один зуб всё равно удалять. Но – один! А тут ведь хрен подгадаешь.. Нашёл, слава Богу.

– Слава Сварогу!

– Оле-оле.

– Эй, аллё, ты слышал меня? Нормально всё? Что я сейчас говорил?..

Сначала я слышу эти слова, а затем вижу озабоченное лицо О., нашего как бы смотрящего. И он пристально всматривается мне в глаза, встав прямо напротив. Мы стоим фалангой на нашем краю поляны и слушаем последние наставления.

– Порядок, – слегка уязвленный отвечаю я и начинаю рас-

тирать уши-брови, встряхивать руки и ноги, совершать движения головой, а также дважды подпрыгиваю.

Не совсем удовлетворённый ответом, О. искоса бросает на меня недоверчивый взгляд, но отходит и снова обращается ко всем:

– Попробуйте продавить, парни, вначале, прорвать, не растягивайтесь...

Я смотрю на тускло-зеленый отряд неприятеля с той стороны поляны. Враги начинают заряжать. Их смотрящий дает отмашку. Взлетает петарда.

– Эй, отошли! Все отошли! Да-ва-а-ай!..

О. отскакивает в сторону. Мы разгоняемся.

– Руки! Руки подняли все! – слышу я голос О., он бежит слева в нескольких метрах от нас параллельным курсом.

Я в первой линии. Рядом М. Сзади К. Ну и еще 10 парней. Мы бежим. Они тоже. Сближаемся. Я смотрю в глаза одного из них. Вот – вероятный оппонент, прямо напротив. Он тоже смотрит на меня. На бегу ощущаю, что в левом кармане шорт что-то теснит. Последние метры тают. Я вижу глаза оппонента. Они улыбаются. Недоброе предчувствие просыпается в мозгу, и я понимаю, что за фигня болтается у меня в кармане. Моя боксерская капа.

М. разбегается и прыгает, выставив ногу, на их фёстлайн.. Я же стремлюсь воткнуть свой кулак в подбородок чела напротив. Но он, вжавшись в плечо головой и выставив локоть, отклоняет мой удар вверх, и тот по касательной приходится

ему в ухо. И тут же в ответ прилетает мне в лоб... Воодушевляющие подбадривания слышны отовсюду:

– давай.. вставай!.. вали!.. дайте, парни.. держать стеной!.. до конца!.. выноси!..

Мы вроде как слегка отделились и встали в пару. Я слегка пригибаю голову и наношу два подряд боковых левой. Оба попадают в защиту. Он тоже выбрасывает левую – я начеку, отклоняюсь. А зрители яростно болеют за нас:

– помогайте.. туда, туда.. давай, убей суку.. всех их!.. встать!.. встать!.. Слон, дерись.. Не лежать...

А у нас с челом как бы затишье: танцуем в стойках, ловим момент для атаки. Какой-то насмешливый взгляд у него, мне это не нравится. Он что – так уверен в победе? думает, что сильнее?.. И тут меня накрывает. Слева, где-то над ухом... Почему-то сразу подумалось о сковородке (странно, вроде не били меня никогда сковородкой...), о старой черной чугунной сковородке – как будто возник не то гул, не то звон, и резко стало темно...

В голове сперва что-то панически ухнуло: «Ох, нихрена! Вот он, встречайте!», но затем каким-то веселым ручейком, праздничной, можно сказать, вереницей, озорно пронеслось: «вот это – да!.. это ж надо!.. прикольно.. вот они – искры из глаз!.. хе-хе.. охренеть!». Через доли секунды темнота в глазах покраснела, а затем я увидел свои руки, обхватившие голову. Как ни странно – я все так же стоял на ногах! И снова слышал истерично хрипящую многоголосицу:

– макс, бейся.. макс, дерись!.. ну давай, добивай его.. давай, давай, мочи..

Чел дубасил меня по корпусу и в голову, прикрытую руками, а я все еще был на ногах. А затем до меня вдруг дошло: а ведь самое страшное-то походу прошло, удары-то эти вроде как не смертельные, терпимы вполне, хотя неприятно, сука, конечно.. И тут же провел резкую двойку – правой снизу и левой сбоку. Ничего получилось. Чел явно не ждал, он отпрянул и посмотрел на меня удивленно. Глаза его не смеялись теперь, скорее как бы наоборот.. Он как-то судорожно бросил вперед левую руку, пятясь назад. И мне всё стало понятно. Нам обоим в тот миг всё стало понятно... Я просто попёр на него. Он по-прежнему выбрасывал то левую, то правую, но как-то уже обречённо. А мне уже было пофиг. Я теперь даже почти и не уворачивался, шёл на него и, когда выходил на удобную дистанцию, вкладывал в удар всё, чем богат. Хор осипших глоток вокруг продолжает вопить:

– МоЧи!.. стоящих.. вон – стоящий!.. бей! бей! убей его на!.. вот здесь, здесь помогай... добивай давай!.. бей его, бей!.. Впер-Ё-Ёд! погна-а-а-ли!!

Он отступал, отскакивал, но не падал. Пятился, вдавив подбородок в грудь и выставив вперед локти. А я опять настигал его шатающуюся обмякшую тушку в светло-зеленой манишке, надёжно выцеливал и втыкал, втыкал, втыкал свои кулаки словно в старую разбитую грушу...

Следующей ночью

- Алё.. Слушаю вас..
- Почему ты мне никогда не звонишь?
- Что?..
- Почему ты никогда не звонишь?
- Но.. у меня нет твоего номера..
- Посмотри – он высветился у тебя на дисплее..
- Точно..
- Позвони мне...

Вселенная волею Создателя или же согласно физическим законам мироздания занимала отведённое ей пространство, и пространство это было бескрайним. Часть её с характерным набором небесных тел, для простоты именуемых звёздами, привычно созерцалась сквозь прозрачную атмосферу с поверхности планета Земля. Различные по яркости светила составляли разнообразные по форме и численности скопления, устилающая собою весь небосвод. Но в этот раз небо вдобавок ко всему бушевало грандиозными зелёными всполохами, вызванными некими магнитными возмущениями и известными как «северное сияние». Явление это, обычно наблюдаемое в полярных районах в ясную морозную ночь, случилось здесь регулярно. Белые, зелёные, а иногда и фиоле-

товые «небесные пожары» вспыхивали и гасли десятки раз за ночь, что мало кого удивляло, хотя бы потому, что здесь вообще было немного разумных существ. К тому же и ночи здесь длились по несколько месяцев.

Простиравшаяся внизу бело-серая пустыня, отражавшая своей снежно-ледяной бугристой поверхностью буйное цветение небосвода, на первый взгляд казалась незабываемой и застывшей. На деле же даже при полном безветрии пребывала она в постоянном движении и непрерывной трансформации. И оглядев её с достаточной высоты, можно было увидеть, как крупные и мелкие льдины, слагавшие этот псевдомонолитный ландшафт, где-то сходятся, налезают друг на друга, крошась и образуя подобные швам гряды торосов, а где-то расходятся, открывая через трещины и разводя чёрные участки несущей их океанской бездны.

Здесь была Арктика, полная пустоты, безразличия и тайны.

Продолжая созерцать в процессе ночного полета десятки обширных ледовых полей, сотни крупных льдин и тысячи льдин поменьше, каково было бы вдруг обнаружить, что на одной из них, вовлеченной среди прочих в эту сложную северно-ледовитую круговерть, навстречу звёздам испускают нездешний электрический свет фонари научной дрейфующей станции? Но ведь так всё и было! Около полутора десятков жилых и служебных строений, слагавших лагерь русской полярной станции «Северный Полюс – 42», возвышались по-

среди снежных застругов и ледяных хребтов, на год привнеся в этот край новые формы, краски и звуки. Домик, снабжённый флагштоком с государственным флагом, совмещал в себе функции камбуза и кают-компания, оправдывая таким образом наиболее крупные размеры и центральное положение в лагере. Вход в кают-компанию освещал самый мощный стационарный фонарь, а из окон её лился яркий многообещающий свет. Внутри сидели лохматые и большей частью бородатые мужики. Ели, пили, звенели посудой, да почёсывали языки. Был ужин, и за столом находился почти весь стационарный состав. До полного комплекта не хватало только дежурного механика да вечно опаздывающего гидрохимика. Из-за постоянных опозданий к приему пищи двадцатитрехлетнего гидрохимика Галкина на станции звали Герман (в миру его имя было Андрей). «Уж полночь близится...» – традиционно начиналось обсуждение его отсутствия за обеденным столом. Вот и теперь ужин уверенно клонился к чаепитию, когда за дверью послышался громкий топот отряхиваемых унтов. Через секунду-другую дверь распахнулась – на красном с мороза, поросшем щетиной широком лице возникшего в дверном проеме детины значилась довольная ухмылка. Он обвел жизнерадостным взглядом сидевших за столом бывалых полярников и, отдавшись клокотавшему в груди радостному возбуждению, не то спросил, не то констатировал:

– Жрёте, мать вашу!

Один из сидевших за столом сухой мужичок с острой татарской бородкой резко выпрямил спину, выгнул бровь и, метнув из глаз пару молний в направлении Германа, уже успел открыть рот, чтоб сказать пару ласковых, как рядом с ним вдруг кто-то хмыкнул, напротив, переглянувшись, прыснули ещё два бородача, и вот уже вся трапезная комната огласилась заразительным хохотом.

Дежуривший по лагерю механик Володя Меньжуев сидел в дизельной и наблюдал сквозь окно за первыми признаками зачинающейся пурги – по улице во всю мел поземок. Бродить по лагерю в такую погоду совсем не хотелось. Здесь же, в тепле, из окон открывался неплохой вид на кают-компанию, домик радио-метео, палатку океанологов, стоящий на постаменте деревянный туалет и домик начальника; на дальнем плане сквозь снежную пелену виднелось еще несколько палаток и эстакад с бочками.

Дверь сортира отворилась и красная лампа над ним, оповещавшая всех о присутствии внутри посетителя, погасла. Меньжуев видел, как покинувший туалет начальник станции Валентин Кабалёв спустился по ступенькам с постамента, совершил несколько бодрых шагов в направлении своего домика, затем пару-тройку шагов не столь бодрых, потом остановился, развернулся, и опять в бодром темпе проделал тот же путь в обратном направлении, вновь оказавшись за дверью уборной.

Механик Меньжуев, потратив несколько секунд на осмысление ситуации, встал, надел шапку и куртку и вышел из дизельной. Но через несколько секунд вернулся, снял со стены карабин и вышел опять.

Одна пара рук окунала грязную тарелку поочередно в один за другим три таза с различной по температуре и мутности жидкостью, рожденной растопленным снегом с добавлением горчичного порошка. А вторая пара рук принимала у первой уже вымытую таким образом тарелку и обтирала ее большим полотенцем. Первая пара рук служила бывалому полярнику океанологу Лёхе. Сегодня он нес дежурство по камбузу. Помогал припозднившийся Герман.

– Ну, ты, старик, молодец!.. Как, ты сказал там? Что, етит вашу, жрёте?! – зашелся в гомерическом уханье Лёха, едва не выронив только что вымытую тарелку.

– Да ладно, – подхватывая посуду улыбался смущенно Герман, – Ты понимаешь, я пробы свежие посмотрел – глазам не поверил, таких вод здесь быть просто не может. А если может, тогда я не знаю.. Написал академику Кузьмину. Чуть ужин в итоге не проморгал. Захожу – все сидят, уплетают, и никому никакого дела, что там, может быть.. В общем, как-то вырвалось само. Ну ты ж не в обиде?

– О-хо-хо, я-то нет, но смотрю – начальник как будто подавился. А Катараев так взвился уже.. Хорошо Петрович заржал, и другие потом.. Так что Петровичу спасибо скажи. А

то бы Юра.. у него и так, похоже, зуб на тебя.

В камбузном отсеке зазвонил телефон внутривансионной связи.

– Ответь, – попросил Лёха, и Герман пошел снимать трубку.

– Галкин слушает, – отрапортовал он. – Да, Валерий Петрович. Ого! Понял. Хорошо. Да, он здесь. Передам.

– Ну что там? – Лёха сразу отметил появившуюся после звонка серьезность на детском лице гидрохимика, – Лёдина треснула где-то?

– Медведь на станции.

– Где конкретно? – подобрался Лёха.

– Был у туалета, сейчас у продуктового склада, вроде бы. Петрович сказал – никуда не выходить.

– А в дизельной в курсе?

– Да, Меньжуев его и увидел.

– Тогда ладно. Ты чего так напрягся? – усмехнулся Лёха, оглядев все еще пребывающего в некотором оцепенении Германа, – Медведей что ли не видел?

– С борта видел. А так – нет, – признался тот. – А что же Рыжий? Черныш? Хоть бы гавкнули что ль...

– Зассали, видать. Но вообще это дело такое, – снова посерьезнел Лёха, – Я бы с ним не шутил. Хозяин Арктики. Мы у него здесь в гостях. Убивать нельзя – в красной книге, геморра потом не оберешься, до семи годков могут дать. А тут уж как карта ляжет, – заключил философски он, всмат-

риваясь сквозь окно в привычный узор теней.

Серьезная вдумчивая тишина растеклась по кают-компании в почтительном ожидании звука. И тут за окном грянул выстрел.

– Ну, где он? – сквозь одышку спросил подбежавший Петрович.

Меньжуев молча ткнул дулом карабина в направлении стоящей метрах в пятидесяти продуктовой палатки. Медвежья морда смотрела на них прямо из свежепродранной прорехи с выражением явного неудовольствия появлением здесь двуногих в этот самый момент.

– Не боится гад, – с обидой поделился Меньжуев.

– А где начальник?

– Там все ещё, – кивнул вправо Меньжуев в направлении сортира.

Дверь туалета слегка приоткрылась, явив голову начальника станции.

– Давай, Петрович, гони его на хрен, – приглушенно приказал Кабалёв, – Попортит же всё..

Дверь туалета опять затворилась, не сумев, тем не менее, заглушить характерные звуки.

– Скрутило, – с сочувствием в полголоса заметил Петрович, – Бывает.

Меньжуев криво улыбнулся.

– Давай-ка, – продолжил Петрович, – Заводи-ка «буран».

Погоним «бураном» его.

– Да что ты, погоним! – отмахнулся Меньжуев, – Не видишь – не боится он ничего. Мочить его надо..

– Сказано – заводи, значит – заводи, – так же спокойно повторил Петрович, – Ты слышал, что начальник сказал?

– Не поеду я, Петрович, – твердо ответил механик, – Попробуй же. Видишь – похеру ему всё..

– Послушай, Володька, – взялся за карабин Петрович и, резко рванув на себя, вырвал его из рук Меньжуева, – Я как зам начальника приказываю тебе: иди – заводи «буран». Вместе поедem, ты не бойсь..

– Не бойсь, – с горькой иронией повторил Меньжуев.

– Иди и не тренди. И давай только быстро.

Меньжуев, часто оглядываясь и тихо ругаясь, посеменял стоявшему у дизельной снегоходу. Медведь, чуя тревогу, вылез целиком из палатки и шагнул в направлении застывшего на месте Петровича. Петрович щелкнул затвором. Сортир отозвался тревожной дробью. Ветер беспечно присвистнул.

Послышался шум мотора, и вдруг опять грянул выстрел.

– Вон он, – показал Лёха в окно и рванул прямо без куртки на улицу.

Следом выбежал Герман. Медведь, развернувшись к полярникам задом, большими скачками удалялся от лагеря. Из-за угла показался «буран» и устремился в погоню. За рулем был Меньжуев, он что-то пел (а скорее, орал) про нелёг-

кую жизнь комбайнёров. Позади него, левой рукой ухватившись за сиденье, а правой – за карабин, восседал Петрович. Воинственно рыча, снегоход нес их прочь, в снежную мглу.

– Отогнать его подальше хотят, – пояснил увиденное молодому коллеге Алексей, когда «буран» скрылся из видимости. – Давай, завари-ка чайку...

– Вот так вот, Герман. Вот так, – усталым тоном наставника, преподавшего только что наглядный урок, приговаривал Алексей, в ожидании чая выискивая в вазочке среди цветного разнообразия любимые конфеты «Весёлый мишка». – А ты вот думал, скажи, – наконец обнаружил он «мишку с орехом», – Думал ли ты, – повеселевшим голосом повторил он вопрос, – Почему Кобылин у нас хмурый такой всегда ходит?

– Не знаю, – пожал плечами Герман, – Характер такой. Все ведь разные же.

– Ах, так ты ж его до зимовки не знал! – махнул Лёха рукой, – Видел бы ты, какой весёлый мужик раньше был. Заводила! Всё время с шутками-прибаутками, анекдотами, подкалывал всех...

– Да ладно, – с сомнением посмотрел на старшего товарища Герман, – Кобылин – с прибаутками? Дима?

Угрюмый нелюдимый ледоисследователь Кобылин, который даже на приветствие в лучшем случае – молча кивал, а чаще, погруженный в глубокие думы, вообще не удостоивал ответом, встал перед мысленным взором Германа:

– Да из него же и слова не вытянешь...

– Так то сейчас. А раньше, знаешь, какой был балагур? Весельчак, каких мало!.. Полгода назад ещё, – Леха вдруг нахмурился и вместе с дымящейся кружкой отвернулся к окну. – Немногие знают.. Он мало кому и рассказывал.

– Лично я – никому, будь уверен, клянусь, – поспешил заверить товарища обомлевший Галкин.

– Ладно, не подведи уж, – метнул строгий оценивающий взгляд в направлении взволнованного Германа Лёха и, видно, удовлетворившись увиденным, бесстрастным голосом продолжил:

– Весной этой Дима был в экспедиции. В Карском море на атомном ледоколе «Ямал». «Росойл» заказала исследования льда в районе своей будущей добычи, и ребята целый месяц ползали по нему, бурили, давили, выпиливали всё, что для этих исследований нужно. Их было там 26 человек поначалу.. Дима в той экспедиции давил образцы, изучал прочность льда. А друг его, старый товарищ со школьной, можно сказать, скамьи Серёга Сундуков бурил горячей водой лед в торосах, изучая их толщину и структуру. Да. Так вот. Утром выходят мужики с ледокола на лед, вечером – обратно, весь день на льду. Брали с собой пожрать немного и термосы с чаем. Термосы наполняли на камбузе ледокола. Вот Дима с Серёгой как раз эти термосы на всех оттуда с утра забирали, а вечером пустые обратно приносили. Дело не хитрое, в общем-то. Работалось ребятам нормально, сильных морозов не было. Все бы хорошо, но в мае в Карском море медве-

дей полно. Поэтому, пока на льду работы идут, штурмана на мостике за медведями наблюдают. Медвежью вахту несут. И если что – дают три гудка, чтоб народ понимал – пора сваливать на борт. А кроме гудка, против мишек и не было ничего. Были цветные ракеты, конечно, знаешь такие?.. У нас их полно.. Ну а что с них ему? Как слону дробина, только интерес будут.. Их и не брал на лед никто – бесполезно потому что. Оружие на борт атомного ледокола брать нельзя. Вообще никакого. Раньше у капитана всегда пистолет был. Теперь и его запретили.. Работали месяц, и где-то из них дней пятнадцать, наверное, приходили медведи. Любопытные твари. Несколько раз ошивались вдали. Несколько раз приходили до или после работы, когда на льду людей не было. А раза три приходилось спасаться: пароход гудит, народ оставляет на льду всё оборудование и ломится на борт, ждёт пока медведь подальше не сдристнет. Медведи обычно боялись – тифон громко гудит. Ну а пару раз прозевали. Поздно заметили на мосту. Понятно, пока стоит ледокол – что на мосту делать-то?.. вокруг лед да снег, только учёные что-то там ковыряют, смотреть на одно и то же целый день скучно.. Ну и, сам понимаешь, чайку погонять, потрендеть, байки потравить.. А тут вдруг раз! И вроде бы только что не было по близости никого.. У медведя ж прыжки по семь метров.. От него хрен уйдешь.. Когда увидели, загудели, он – раз-раз, и у трапа уже. А народ на торосе отрезан! Ну, загудели, конечно, на полную. Напугали его. Хорошо, он от трапа к торосу не дернул,

в другую сторону поскакал – народ успел на борт забраться. А в другой раз, когда проморгали, не повезло. Торос был высокий, он и скрылся за ним. Да и видимость – хреноватая, туман напелзал.. Серёга Сундуков как бурильщик оказался всех ближе. Он-то увидел, когда медведь метрах в двадцати уже был. А до ледокола бежать метров двести. Бесплезно – догонит тебя как два пальца. Серёга крикнул, чтоб народ предупредить. Успел достать из штанов фальшфейер, рванул за верёвку, зажёг. Над головою поднял его, заорал: «Зенит – чемпион!» (болельщик был тот ещё – на работу всегда в зенитовском шарфе выходил). Тут и на мосту, конечно, заметили, загудели.. Но медведь уже в режиме охоты был. А если он начал охоту – его уже ничем не собьёшь.. Несколько прыжков, и на глазах коллег и товарищей..

– Так что же все – просто стояли?..

– «Стояли».. так быстро же всё: лапой в голову раз – и привет. Дима неподалеку был, а что сделаешь? Схватил пешню, кинул.. Да там труп уже был – секундное дело. Да и пешня не долетела.. Люди видят: медведь тело зубами схватил, оттащил чуть подальше в торос и там треплет.. Дима, а с ним ещё два смельчака подобрались поближе – нужно же тело хотя бы отбить. Один с пешнёй, другой с бензопилой, Дима с лопатой. Шумят, наступают. Медведь на время Серёгу бросил, повернулся к ним.. Те смотрят: на месте живота у Серёги – здоровая красная дырка, и ляжки одной уже нет.. Медведь повернулся-то к ним, и ка-а-ак встанет на задние лапы!..

«Ладно, – кричат мужики, – доедай, хер с тобой!.. Чтобы ты подавился, скотина». Отступили.. Вдруг видят: к ним от парохода бежит человек в чёрных брюках и белой рубашке. А с трапа тётка, буфетчица, орёт ему вслед: «Стас! Стас! Ты куда?..». По снегу бежит в обычных ботинках, ноги вязнут, падает, снова встаёт.. А в руках – не то ракетница, не то пистолет. Бежит, матерится.. Глядят: так это же капитан! Поравнялся с мужиками, красный как рак, прицелился в медведя и выстрелил. Настоящий боевой пистолет оказался! Хотя и нельзя официально, а все равно нужен ведь – вдруг бунт, или, там, паникера прижучить.. Выстрелил он – не попал. И опять побежал. Дальше к медведю! Бежит, орет, руку с пистолетом вперёд выставил и палит на бегу.. Попал, не попал – не известно, но медведь только вдруг пересрался, бросил Серёгу (хотя там мало уж, что на него похожего осталось) и давай удирать.. А капитан всё равно – так за ним и бежит!.. Остановился, когда только пули закончились.. Мужики Серёгины останки в волокушу сложили и на пароход отвезли. В тот же вечер вызвали с Диксона вертолёт, чтобы тело к родным в Питер доставить, а пока положили его в рефрижератор на камбузе. А на Диксоне задуло. Погода не лётная. Так и лежит в холодильнике день, второй, третий.. А работать же надо. Дима теперь один по утрам на камбуз за термосами приходит, а там за дверью Серёга.. Смотрю, говорит, на рефкамеру каждое утро и думаю: «Ну как ты там, друг?».. Вот так. На пятый день прилетел вертолёт, вывез Серёгу. Ну

а Дима с тех пор.. ну сам видишь.

Дверь отворилась, и в кают-компанию вошёл Петрович.

– Дааа, – протянул впечатлённый Галкин. – А Сундуков, он тоже у нас в институте.. работал?

Алексей промолчал. Герман, увидев Петровича, сразу осёкся. Тот сел за стол, усмехнулся и покачал головой.

– Прогнали медведя, Петрович? – обратился к вошедшему Алексей.

– Прогнали, – махнул рукой тот, – А тебе вот не стыдно, Борисыч? Опять про Кобылина звездунца заправлял?..

– А у тебя вот, Петрович, язык прямо чешется это.. покровы срывать! – оскалился в улыбке Лёха.

– Ладно, Андрюха, – обратился Петрович к ошарашенному Герману, – Зато теперь знаешь: Борисыч – свистун еще тот. И не было никогда полярника Сундукова. Уж я б его знал.

Меньжуев опять сидел в дизельной. Его четырехчасовая вахта едва перешла свой экватор, а уж столько, казалось, вместила. Он сжимал обеими руками кружку с горячим кипятком, стремительно вбиравшим в себя содержимое чайного пакетика, и думал над тем, что вот как ни крути, а жизнь-то для подвига всегда найдет место...

В окне показался начальник, и вот он уже стоял здесь, в ДЭС, в механическом сердце, разгоняющем энергию по всем станционным объектам.

– Ну, замерз? Далеко отогнали? Молодцы, мужики, – как пулемет застрочил Кабалёв, словно и не нуждавшийся в ответах. – Кружка есть пустая? Бутылка? Куда налить можно, – он вынул из кармана 250-граммовую металлическую флягу, обтянутую крокодиловой кожей.

– Сейчас, я это, – схватил кружку с чаем Меньжуев и сделал шаг к умывальнику.

– Не надо, – прочитал его намерения Кабалёв, поставив флягу на стол. – Занесешь после вахты. Аккуратней только, на вкус-то он мягкий, но градусов семьдесят есть. На травах..

– И это.. на вот, домой позвони, – извлек он из-за пазухи спутниковый телефон. – Петровичу тоже скажу, чтоб к тебе заглянул через час – телефон ему передашь.

– Спасибо, Семёныч.

– Спокойной вахты.

– Алё! – Меньжуев держал одной рукой телефон, а ногтем большого пальца второй продавливал новый узор в крокодилем декоре начальничьей фляги. – Алё! Ночь Любви? Надю можно мне?.. Плохо слышно вас.. Надя? Здравствуй, Наденька! Это Володя с Северного полюса. Да! Правда? Да, я! Да, хорошо, спасибо, как ты? Ну ладно. Да не, все нормально! Только времени вот мало у меня.. Ага, как обычно. Давай, давай, радость моя, – пустая фляжка, на миг оставленная без внимания, качнулась и звучно плюхнулась на пол...

– Ты скажи мне, родной, что сейчас на тебе?.. Поняла.. Я

расстегиваю твои меховые штаны.. И быстро снимаю..

Меньжуев зажал трубку плечом.. Ах ты ж, ёрш, опять молнию заело!..

Да, погоди, погоди!.. Так, ладно, со штанами готово.. «трусы».. там ж еще шторм-кальсоны.. А как же? Дульник с утра – метров 20, не меньше...

Ковбойцы и индейцы

Букет из семи белых роз лежал на прилавке, облачаясь при помощи продавщицы в прозрачную упаковку, а я уже рылся в лопатнике, чтоб отслюнявить нужное число бабосов. Как вдруг божественные скрипки при стройной поддержке каких-то ещё дружественных им инструментов настойчиво повлекли к седьмым небесам, а сладкоголосый солист ансамбля THE DRIFTERS проникновенно пропел:

This magic moment..

В сотый раз очарованный волшебной мелодией, я позволил себе выждать паузу и не сразу ответить на вызов.

..So different and so new

Was like any other

Until I kissed you..

Гайават курил у входа в торговый павильон, когда внутри заиграла его любимая песня.

Ай-нанэ-нана!

Ай-нана..

Песня, без которой в родной деревне не обходился ни один праздник – её пели на свадьбах и юбилеях. И стар, и млад любили её.

.. Чёрные крыла

Надо мною вы кружили

Чёрные крыла

Мои мысли ворошили..

И Гайават любил её с детства. Он даже играл её на чаранго. Выходило не очень гладко, но исполнительские недочёты его друг Ахоут всегда возмещал сильным голосом. Гайават, когда играл, тоже пел, но Ахоут мог петь громче. Гайават вспомнил, как они вдвоём опять пели её на прощальном ужине перед отъездом в столицу. Гайават взял чаранго, а Ахоут со всей силы.. Так было круто!.. душевно.. Всем тоже понравилось.. И где он теперь – Ахоут, друг детства? Известно где – нет его уже год. На глазах у Гайавата убили его. Сам еле спасся..

Часто Гайават, когда пел и играл эту песню, представлял, будто сам парит в небесах и смотрит на родную деревню сверху.. Вот его дом, вон бабушка снизу зовёт его и машет ладонью.. Но он теперь коршун, и он летит дальше. Вот там его отец со своим братом, дядей Янизином, пасут отару. Где-то там Матхотона, любимец Гайавата. Гайават помнил его ещё совсем маленьким, молочным. С большими, выпуклыми, влажными глазами, пушистый и трогательный. Тогда Гайават взял его под опеку. Теперь уж непросто узнать в этом статном баране с окладистой бородой и густой лоснящейся шестью того неуклюжего доверчивого сосунка, почти человеческим жалобным голосом требующего тепла и внимания. А вот и он, красавец

Матхотона, гордость отары, тоже задрал свою морду и блеет-приветствует. Здравствуй, мой нежный и ласковый друг! Но мне нужно дальше. Туда, где добыча. Зазевавшаяся или менее ловкая-сильная нежели я, смелый-быстрый орёл или коршун. Я лечу, примечая внизу всё, что шевелится, даже самых маленьких зверей – насекомых. Попробуй появись только какой-нибудь суслик или же ящерица... Ах, шайтан! Ну что за музыка пищит там, зачем?.. Гайават бросил под ноги окурок и, хмурясь, подошёл к цветочному павильону напротив – посмотреть на источник вторгшихся в его полёт завываний. Телефон.. так и знал! А там что ещё?..

..And then it happened
It took me by surprise..

Наконец, положив на прилавок бумажник, я поднес трубку к уху, чтоб другой ангельский голос прожурчал мне весенним ручьем: «Привет. Я буду позже минут на пятнадцать. Ага. Ну, давай».

И вот, если ты – коршун, когда видишь добычу, нужно сразу – хац, хац!.. Будто молния – хац, и лететь быстро-быстро!

То есть будет она минут через тридцать, не раньше – вычислил я, бросив взгляд на часы. Да так и застыл, в одной руке держа отслюнявленные купюры, а мобильник – в дру-

гой, и видя, как чья-то коричневая клешня хватает с прилавка лопатник (мой, блин, лопатник!) и делает ноги...

Ноги эти в черных спортивных штанах и пыльных потрепанных мокасынах выскочили из павильона, промелькнули вдоль стеклянной стены, затем обо что-то споткнулись...

Споткнувшись, он припал на четвереньки, но тут же вскочил. Но и я уже вышел из ступора, спрятав в карманы мобилу с двумя осиротевшими пятыхатками, подтянул завязки на стетсоне и рванул за ним следом.

Взяв с низкого старта неплохой темп, гурон сделал отрыв. Старательно перебирая короткими конечностями, он добился того, что дистанция выросла. Главное не дать ему скрыться из вида, а там уж разгону свои ходули. Футбольная юность позволяла считать, что дышалки мне хватит. Его черная ветровка с капюшоном раздувалась пузырем метрах в шестнадцать от меня, а в голове по-прежнему плескались

THE DRIFTERS:

Sweeter than wine

Softer than the summer's night

Everything I want...

Зашибенный рингтон я поставил – слов нет. Жаль для погони мотивчик расслабленный слишком. Люблю вот старый музон – и хоть режь. Особенно соул и джаз.. Завтра в «Канале» концерт. Пойду без малышки. Не хочу отвлекаться. Да и ей: соул то, джаз или блюз – все одно, скучно и непонятно. Хорошая музыка не для женщин, им нужно другое. Я-то

знаю, что нужно им, и могу это дать.. Но для этого мне нужен спорт, и мне нужен джаз. Ведь джаз, как бы кто трендел, это мир. Старый правильный джаз, пацаны, это круто.

Миновав людное место перед входом метро, мы нырнули в подземный переход, а выскочив из него направо, понеслись мимо длинного синего забора, окружавшего стройку. В памяти вспыхнула история памятного забега четырехлетней давности.

Те веселые старты были связаны с юбилеем родного университета. Мы с приятелем, будучи тогда второкурсниками, сидели на экзамене по физике и тщетно пытались выклянчить у старого маразматика хотя бы тройки, когда дверь в аудиторию распахнулась и вошла наша добрая фея – физручка Нина Леонси. От нее мы узнали, что через час у главного корпуса намечается большая праздничная эстафета, а в команде от нашего геофака не хватает людей, и если мы с приятелем готовы закрыть эту брешь, то она прямо сейчас постарается уговорить физика отпустить нас с трехочковыми в зачетках. Ну и как тут не верить в высшие силы?

Перед парадным входом в главный корпус было организовано место передачи эстафеты – за столами на открытом воздухе собрался весь университетский бомонд – ректор, деканы, важные гости... Команда наша стартовала не слишком резво, пропустив вперед даже доходяг-математиков, разве что привычно безнадежные философы шли после нас. Я был

поставлен на последний этап (приятель остался в запасе). Принимать эстафету мне выпала честь от ветерана факультета бородатого Феликса по кличке Стакан. Бывший спортсмен Стакан уж года три как был должен закончить наш вуз, но какие-то темные силы всё были помехой. Но, что ни говори, а старая школа – есть старая школа, ее не пропьёшь. Когда его предшественник все ж таки добрался до финиша, Феликс с остервенением вырвал у него палочку и рванул во всю дурь. Нарастивая темп по этапу, он оставлял за спиной одного за другим конкурентов, переводя наш факультет из аутсайдеров в твердые середняки. Большого сделать ему не позволила скоротечность дистанции. Я с трепетом следил за последним отрезком его впечатляющего спурта и наполнялся неожиданной ответственностью за командный успех. Когда Феликс со вспененной бородой ворвался на финиш, то разразился столь яростным громобойным напутствием, что все праздные беседы университетских бонз в тот же миг захлебнулись, ожидавшие своих стартов спортсмены вздрогнули, а уже принявший эстафету историк выронил палку из рук, и та запрыгала прочь, звонко стуча по асфальту во внезапно возникшей почтительной тишине. Ключевое слово спича «По-шшш-ё-о-о-ол!», обрамленное ярким орнаментом бескомпромиссных заклинаний, вынесло меня со старта подобно взрывной волне, и окрыленный посланием я понесся навстречу рекордам. Воодушевляющие тезисы звенели в ушах весь этап. Приняв эстафету шестым, я сумел обойти троих и

замкнул призовую тройку. Вот только оргкомитет, пришедший в себя после шока, не проникся духом заветов брутального Феликса, и команду нашу дисквалифицировали. Сучьи обмудки...

Так.. Забор подходит к концу. Впереди уже виден пустырь, а за ним начнутся дома. Не сгинул бы гад во дворах. Ничего.. Не уйдешь...

Рыжая каменистая почва неосвоенного среди новостроек пространства норовила уйти из-под ног и вздыбиться стеной перед самым лицом. Но Гайават понимал, тот, что сзади – и он не двужильный, крупней, значит, «сдохнет» быстрее. Не сбавлять и терпеть.. Жалко – нету ножа. Нету даже отвертки... Заколело в боку, а во рту загорчило. Неужели, опять? Гайават вспомнил, когда впервые он ощутил эту горечь с привкусом глины. С тех пор этот вкус возвращался не раз и всегда был предвестником слабости и болезни. А тогда в первый раз, еще подростком, он еле добрал с выпаса к дому и тут же слёг с жаром. Бабушка сперва отругала его – вот возится целый день со своим Матхотопой – от него и хворь, поди, подцепил. Но затем напоила отваром и, когда чуть-чуть отлегло, на сон рассказала легенду про бедного Абдулу (с детства любил Гайават слушать бабушкины рассказы)... Славным был парнем Абдула – добрым, хорошим, трудолюбивым. Жалко, что бедным. И был влюб-

лён Абдула в девушку из родного аула. Девушку звали Шокира. Шокира с детства была очень красивой, и такой притягательной, что когда шла по улице, за ней бежали гурьбой и собаки, и дети. Всем она была хороша, но самым прекрасным в ней был ее голос. И когда она пела, сразу смолкали все овцы, куры и другие животные, а птицы спускались поближе – послушать. Всем она нравилась. Даже старухам. Многим хотелось жениться на ней. Но калым был назначен такой, что все, как узнавали о нем, разводили руками и отправлялись восвояси, грустно насвистывая и качая головой. Но не таким был Абдула. Для настоящей любви нет преград. Трудности делают её только большие. И отправился Абдула в северную страну зарабатывать на калым. Долго, упорно трудился он там. Целых полгода. Но всё ещё мало денег скопил. Через полгода позвонил он отцу Шокиры, сказал, что жив и здоров, и попросил не за кого не выдавать её, пока он, Абдула, не вернётся с деньгами. И пуце прежнего, ещё усерднее стал он трудиться. Работал так он ещё полгода. Подсчитал заработанное затем и понял, что всё равно не собрал и половины калыма. И позвонил он опять отцу Шокиры и всё рассказал: как упорно работал здесь целый год, но все ещё не смог на калым заработать. Но веры в удачу свою не утратил, так как всё ещё хочет взять в жены Шокиру. В душе Абдула, конечно, надеялся, что отец девушки выслушает его и скажет: «Вижу, Абдула, действительно ты любишь мою дочь. Возвращайся, отдам тебе в

жены Шокиру. А то, что не всё ты сумел заработать – не беда, любовь дороже золота!» Но не сказал так Шокирин отец. Просто похвалил, что от цели своей Абдула не отрёкся, похвалил и трубку повесил. Загрустил тогда Абдула и пошёл за сочувствием к друзьям-землякам Хидиру и Хамзе. Те тоже искали удачи здесь на чужбине, вдали от родного аула. И вот Хидир и Хамза предложили пойти Абдуле втроём на опасное дело. А дело то было такое. Был у Хидира с Хамзой на примете жадный богатенький старичок, который, как говорили, никогда не расставался со своими деньгами и всегда брал их с собой, даже когда шёл в магазин, на работу или просто гулял. Не хотел сперва ввязываться в такие дела Абдула. Но что будешь делать, когда деньги нужны? Согласился. Присмотрелся к старичку друга пару дней, запомнили, где и когда он бывал. И заметили еще, что слева у того на груди пиджак всегда странно топорщился – явно прятал там что-то старик. Не иначе, у сердца хранил миллионы. И вот подкараулили они старичка в тихий час в тихом месте. Отдавай, говорят, свои деньги! Все равно, говорят, уже старый, ни к чему столько денег тебе, такому-сякому скряге-козлу. А если отдашь по добру – то и жить будешь дольше. Испугался тогда старичок. Да откуда ж они у меня? Клянусь, нету денег совсем, говорит. Рассмеялись тогда Хидир и Хамза: – Э-э, ты кого обмануть захотел, старый плут, доставай-ка давай, что за пазухой. Да скорее, не трать наше время. Нахмурился старик, по-

нял, видать, что узнали тайну его, да полез доставать, как просили. Вдруг как выхватит из-под полы вместо кошелька пистолет и ба-бах! В Хамзу и Хидира! Абдула чуть в сторонке стоял. Увидел он, что так дело пошло, да бросился наутёк. Удалось убежать Абдуле. А Хамзу и Хидира убило.

Замолчала тут бабушка... Это всё? – взвился Гайават, слушавший с закрытыми глазами. – Думала, спишь ты уже, – ответила бабушка и рассмеялась. – Нет, не всё. Понял тогда Абдула, что лишь чудом он спасся. Видно, на то была воля Всевышнего. Понял он тогда и заплакал. Стал молиться тогда Абдула, молиться и клясться, что не сделает больше дурного в жизни своей, какие тяготы не выпали бы ему, и какую нужду не испытывал бы. Молился и клялся Абдула весь вечер и ночь. Да так и заснул за молитвой. А ночью пришел к нему тот старичок – весь в белом и с крыльями за спиной. Кто ты? – спросил Абдула. Можешь звать меня просто пророк, – ответил старик. И ничего не сказал ему больше, а лишь положил на голову ладонь. И воцарился покой в голове Абдулы. И понял во сне он, что пора возвращаться домой. С этой мыслью проснулся и сразу же стал собираться. А как приехал в родной аул, то сразу узнал, что Шокира больна и уж несколько дней не вставала с постели. Укусила Шокиру больная собака, и пропал у нее, у Шокиры, после этого голос. Лежит и страдает теперь. Пошёл тогда к ней Абдула и сел у постели. Ничего не сказал Абдула, только «здравствуй» сказал и взял её руку.

Держал её за руку так Абдула и рассказывал всё, что он видел в далёкой холодной стране: хорошее и плохое. С интересом слушала Шокира рассказ Абдулы, сама-то она никогда не покидала аул, и даже не заметила, как стало ей легче. А через несколько дней совсем поправилась она и снова стала как раньше. И петь теперь могла даже громче! Тем же летом был в их районе праздник. Лучшие певцы и танцоры съехались на него со всех сел. Пела там и Шокира. И был на том празднике среди почетных гостей один турок. Заметил тот турок Шокиру да в Турцию позвал выступить. Вот так приглянулась Шокира ему. Не хотела она покидать свой аул. Но отец настоял: богатый и уважаемый человек тебя приглашает, глупо отказываться. И Шокира решилась. И вот она в Турции. Да скоро уже в ресторане поет! И пришёл туда как-то немец один (немцы часто в Турцию к родственникам погостить приезжают). Как раз там Шокира и пела. Посмотрел тогда немец, как Шокира поет (громко пела она), и с собою позвал. Сказал: с концертами ездить будешь по всему Еврастану. Так Шокира к немцам попала. И немец теперь куда б ни поехал, всегда её брал и в новых местах всем показывал – просил её спеть-станцевать. И вот как-то раз в одном таком месте с американцем быть вместе случилось. Тот, как увидел Шокиру, сразу же, через несколько месяцев, в Америку позвал. И стала Шокира в Америке петь. Да так хорошо, что позвали её в телевизор. Вот как бывает! Включил как-то раз Абдула телевизор, смотрит –

не верит глазам. Не сразу узнал её Абдула – так удивился – стала ещё красивее Шокира. Смотрел на неё Абдула, смотрел на неё, смотрел на неё, смотрел...

– Бабушка! – не выдержал Гайават.

– Ох, разбойник! Да разве можно так человека пугать? – встрепенулась заклевавшая, было, носом старуха.

– Ты сказала: смотрел на неё Абдула, смотрел..

– Смотрел на неё Абдула, – подхватила нить бабушка, – а сам думал: вот, не женился на ней, как мечтал, а все равно приятно смотреть – ведь и я ей чем-то помог, поддержал в трудный час. Подумал так Абдула, и стало у него на душе светло и спокойно. Увидел он вдруг, что даже крупица добра может изменить чью-то судьбу (а значит и целый мир) к лучшему, и добро это сеять легко и приятно. Да и как могло быть иначе, если мир этот создал Всевышний, чья безграничная доброта как благодать нисходит на...

Не ушел.левой рукой я хватаю за капюшон, а правой бью кулаком по затылку.

Ублюдок уже на земле в позе жука на спине, согнул и сучит лапками, гнида. Я нагибаюсь и снова фиксирую левой рукой капюшон.

– На, на, забирай! – скулит падаль, доставая из-за пазухи кошелек.

– На? На, блин? – переспрашиваю я, одной рукой держа мулодёра за капюшон, а другой втискивая лопатник в перед-

ний карман джинсов. – На, блин, урод! – с размаха бью осво-
бодившейся рукой, – На, бляха. Н-на..

Он обхватил свою голову – херачу по корпусу, фигли.

– По печени только не бей, по печени.. и в сердце не надо
– больное.

– По печени, да?.. На, сучья тля! По сердцу не надо?.. Сю-
да вот не надо, да, тварь? С-сюда?

– Ах, угх.. ах-на! Спасите, убьют! – заголосил невинный
ягненок. Открывает едальник, хватаясь за грудь.

Ху! Кхр-кх-сс.. Хруст зубов всяко лучше белужьего воя
или визга свиньи, не так режет ухо. А даже ласкает...

Ах, ты гнида.. Сученышь! Пробил мне костяшку клыком!
содрал сука кожу! Ну, молись теперь, тварь краснокожая!

*...И тогда приходит густая чёрная тьма. Бабушкин го-
лос почти не слышен. Ночь наваливается неподъёмным
мешком и словно плотная вязкая смола облипает тебя. Ты
пытаешься двинуться, но не можешь. Ты хочешь крикнуть,
но вместо слов – только хрип и шипение, нет сил даже
взвизгнуть...*

*Ближе к ночи Матхотопа занервничал. Беспокойно он за-
ходил по загону, заражая овец непонятной тревогой. Нако-
нец, не властный над собой, обратил кудлатую морду вверх
и протяжно заблеял. Сначала тихо, а затем все сильнее
и громче... Он блеял и хрипел, изливая во тьму свое горе.
Вокруг всполошились овцы и тоже заблеяли. И вот уже в*

других дворах подхватили теперь эту песню. Песню-плач по чьей-то судьбе, великую песнь общей скорби.

Человек в светлой фетровой шляпе, клетчатой рубашке и голубых джинсах стоит на коленях посреди пыльного пустыря. В кармане его поет телефон. Человек не может ответить. Он занят делом. Со спины кажется, что руки его, поочередно ритмично вздымаясь и опускаясь, толи с азартом месят тесто, толи энергично застирывают что-то в тазу – порой летят брызги. Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, вот так, вот так...

..I knew that you felt it too

By the look in your eyes

Sweeter than wine

Softer than the summer's night

Everything I want I have

Whenever I hold you tight..

Довольно непросто скакать на человеческом теле. Всегда есть шанс потерять равновесие и плюхнуться рядом. Особен-

но, если тело лежит на боку. Поэтому лучше сперва положить его на спину. Или же на живот. А уж потом.. И рраз! И еще! Во-от так, да вот так!!

..Will last forever

Forever till the end of time...

– Да.. привет..

– Але, привет.. ты спишь?!

– Ага, вздремнул слегка – чёт срубило после треньки..

– Ну ты даёшь! Ладно, мне к Кристинке нужно ещё забежать, поэтому давай в полдевятого? Только смотри – не опаздывай.

Ох, у меня встает, даже когда я ее просто слышу...

– Никогда, моя сладкая!

Что ж, есть время привести себя в порядок..

Энд зэ-эн ит хэппен

Ну вот, теперь уж не скоро отвяжется..

И тук ми бай сюпра-айз

Ай нью зэт ю фелт ит ту

Бай зэ лук ин ю а-айс

..Вывожу я рулады по пути в душ.

Бррр, что за сон?..

Свитэ зэн ва-а-айн

Софтэ зэн э саммэ на-айт

Эврифин ай вонт ай хэ-эв

Вэнэвэ ай холд ю тайт

А днем вообще часто хрень снится всякая. Хотя во сне она вот тоже сказала, что задерживается...

Зыс мэ-эйджик мумент

Вайл ю-у липс а клоз ту ма-айн

Вил лэст фоз-эва

Фо-эва тил зэ и-инд о-оф та-а-айм

О-о-о-О-о

О-о-о-О

О-о...

..Матхотона теперь стоял к нему передом. Пасть его раздвигалась, и оттуда летели слова. Но что-то не очень понятные...

– Выходим, молодой человек! Конечная.

Гайават дернулся и открыл глаза. Вагон был уже пуст, только служитель метро стояла в красном берете напротив, говоря ему что-то. Хорошо, когда тебе до конечной – не страшно проспать...

Покинув вагон, он посмотрел на часы над платформой.

*Нэхуэль закончит работать еще минут через двадцать..
Поброжу среди лавок пока, посмотрю – чё да как...*